

МАСТЕРИЦА ВАРИТЬ КАШУ

Пастораль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Агнеса Ростиславовна Карелина, урожденная Серпухова, богатая и красивая вдова 28 лет.

Андрей Дементьевич Городищев, управляющий Карелиной. Джентльмен 29 лет.

Сидор Иванович Иннокентиев, библиотекарь Карелиной, 57 лет.

Иван Саввич Румянцев, писарь Городищева 24 лет.

Надя, горничная Карелиной 22 лет.

Платон Алексеич Клементьев, человек без особенного звания и состояния 27 лет.

Действие происходит около 1856 г. на очень скромной, почти бедной даче неподалеку от Москвы.

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена — маленький зал, меблированный с идиллической простотой.

ЯВЛЕНИЕ I

Надя шьет, Клементьев тихо входит, останавливается подле двери, молча ждет, откуда Надя заметит его. Но она шьет, не поднимая глаз.

Клементьев. Надежда Всеволодовна!

Надя (*слегка вздрагивает; дружески и с упреком*). Платон Алексеич! Вы! Как вы здесь! (*Между тем он подходит к ней и протягивает ей руку. Она берет ее.*)

Клементьев. Я приехал чтобы опять поговорить с вами.

Надя. Боже мой, да вы смеетесь!

Клементьев. Нет, Надежда Всеволодовна.

Надя. Господи, — да как же это можно! В пять лет, чтобы

молодой человек не забыл! Ни за что не поверю! Особенно, когда и в то время вы не могли думать этого серьезно.

Клементьев. Вы не могли тогда понимать серьезно, вы были слишком молоды, а теперь я хочу требовать решительного ответа. — Вы еще никому не давали слова? Да сядем же (*салятся*). Друг мой, Наденька, ты еще никого не любишь, тебе некого полюбить кроме меня, — ты будешь любить меня?

Надя (*молчит — принимается шить*).

Клементьев. Наденька, милая моя, единственная моя милая. — Кому полюбить тебя, кроме меня — полюби меня, моя добрая, ненаглядная (*берет ее за руку*).

Надя (*вырывая руку*). Стыдно вам, грех вам, Платон Алексеич, обнимать честную девушку (*закрывает лицо руками и плачет*).

Клементьев. Наденька, пять лет прошло с тех пор — и ты осталась прежняя! (*Это с сожалением и тихим упреком*.)

Надя (*попрежнему*). И вы не переменились! Как тогда хотели обольстить меня, так и теперь!

Клементьев. Наденька, не ко мне, а к тебе идут слова: не стыдно ли, не грех ли тебе обижать меня.

Надя (*тверже прежнего*). Нет! Я не обижаю вас, Платон Алексеич. Я только думаю о вас правду.

Клементьев. Тогда я хотел обольстить вас, Наденька! Когда ж? Когда бывало, по детской резвости, вы подбежите, и поцелуете меня, а я скажу: не хотите венчаться со мною, то не хочу и целовать вас, — бывало ли так, Наденька, или нет?

Надя (*молчит*).

Клементьев. То было ли хоть раз, что я заигрывал с вами? Как же это в то время я обольщал вас? А теперь? Или за границей мало девушек, некого было обольщать? Если бы мои мысли были об этом, некогда было бы мне и вспомнить про вас, расстаться с тою жизнью, чтобы ехать сюда. Там лучше жить, нежели у нас. Вы сама, Наденька, можете понимать это. Вы видите, самые лучшие вещи, какие у нас есть, едут к нам из-за границы. Зачем же бы мне ехать назад, если бы вы не были для меня милее всего на свете?

Надя (*подпирается лицом на руки и сидит задумавшись, молча*).

Клементьев. Что же вы скажете, Наденька, — все-таки я только обманываю вас?

Надя (*молчит*).

Клементьев (*жмет ее руку, оставляя эту руку в прежнем положении, как она подпирает лицо*). Что же, Наденька: обманываю?

Надя (*опять закрывая лицо, но теперь не с рыданием, а только грустно*). Я не знаю, что мне думать, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. Как вам кажется, Наденька: то, что я говорил вам?

Н а д я. В этом я не сомневаюсь, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. И все-таки я оболющаю вас?

Н а д я. Может быть, и оболющаете. Должно быть, что оболющаете.

К л е м е н т ь е в. Как же это сойдется одно с другим: я говорю от чистого сердца, и оболющаю.

Н а д я. Вот как, Платон Алексеич: вы думаете что это так будет, а этого не может быть, потому этого и не будет.

К л е м е н т ь е в. Чего не будет? Чтобы мы повенчались? Когда я одно только и говорю вам: повенчаемся.

Н а д я. Я не сомневаюсь, вы честный человек, Платон Алексеич. Я не умею говорить. Я сказала так, что мои слова вышли напрасной обидою для вас. Не то, что невозможно, чтобы вы повенчались со мною, — а только, это не хорошо.

К л е м е н т ь е в. Почему же не хорошо?

Н а д я. Вы дворянин, Платон Алексеич, а я мещанка.

К л е м е н т ь е в. Повенчаемся, и вы будете дворянка.

Н а д я. Этого не переменить никакой свадьбою, своего происхождения, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. Ваша правда, Наденька. Но умным людям нет дела до того чья кто дочь, — они смотрят на то, какая у нее душа.

Н а д я. У мещанки и душа мещанская, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. Это как, Наденька? Помилуйте, вы говорите бог знает что такое.

Н а д я. Это правда, Платон Алексеич, я сказала глупо, потому, что не умею говорить, как должно. Душа у мещанки разумеется такая же, — не в душе разница, конечно, а в мыслях, в понятиях, в разговоре, в поступках. У мещанки все это мещанское, не благородное. О чем мои мысли? Как угодить Агнесе Ростиславовне. У барышни нет таких мыслей.

К л е м е н т ь е в. Точно: вы думаете о том, как исполнять обязанности, а барышня о том, как вертопрашничать. Вы о деле, а сна о безделье. Разница большая, только не в пользу барышни.

Н а д я. Нет, Платон Алексеич, в пользу. У нее мысли свободные, а у меня рабские. И понятия у нее поэтому хотя и пустые, а все лучше моих, потому, что у меня понятия подлые.

К л е м е н т ь е в. Наденька, побойтесь же бога. Что говорите? Я человек смирный; но вы меня выводите из терпения, — рассержусь. У вас подлые понятия! Что вы это? Помилуйте!

Н а д я (улыбается). В самом деле, какая у вас привязанность ко мне, Платон Алексеич! Если бы только было можно, ей-богу, следовало бы мне идти за вас. (Переходя к серьезности.) Разумеется не найдется другого человека такого доброго ко мне. Только этому не следует быть, Платон Алексеич,

К л е м е н т ь е в. Подумайте хорошенько, и увидите, что следует.

На д я. Какая же я вам жена, какая подруга жизни? Видите, я говорить с вами не умею. А куда же годилась бы я в благородном обществе? Для горничной держу себя хорошо, а благородною дамою, что была бы я? Посмешище для всех. Что шаг ступлю, что взгляну — все не по-благородному. Манер нет, поступки не те, разговор не такой, как требуется в хорошем обществе.

К л е м е н т ь е в. Что нам требования общества? Были бы мы хороши друг для друга, и довольно.

На д я. Не совсем довольно, Платон Алексеич. Для мужа не может быть приятно, когда его жена посмешище для всех, — да и для нее-то самой не легко переносить, если из-за нее все смеются над мужем, осуждают его, жалеют.

К л е м е н т ь е в. Пустяки, Наденька.

На д я. Нет, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. Ну, если бы и нет, этой беде не мудрено помочь. Возьмете несколько уроков у какой-нибудь доброй, молодой дамы из знакомых, какие тогда будут у вас, — выучитесь ходить и глядеть по-светски — наука не трудная, поверьте.

На д я. Положим, что я и поверю вам, что манеры — это пустое. Но то не пустое, о чем вы не дали говорить, Платон Алексеич: какие понятия у человека. Благородная, если у нее есть совесть, обо всем судит по своей совести, что хорошо, что худо. А у меня, Платон Алексеич, вместо совести — госпожа. Что хвалит Агнеса Ростиславовна, то и хорошо; как же это не рабские понятия, не подлые? Нет, Платон Алексеич, вам не годится так меня любить. Не могу я согласиться на то, в чем вы стали бы потом раскаяват... (взглядывается и прислушивается). Кто-то идет, — а у меня глаза заплаканные, — увидят, будут расспрашивать! (Между тем встает.) Уйду (уходит).

Я В Л Е Н И Е 2

К л е м е н т ь е в. Входит Городищев.

Г о р о д и щ е в (входя). Где ты, Надень... (обрывает речь, видя Клементьева). Monsieur, je suis tout étonné.

К л е м е н т ь е в (протягивает ему руку). Опасаетесь, не хочу ли я волочиться за Агнесою Ростиславовною? Да я и в то время не думал. Напрасно подозревали.

Г о р о д и щ е в (кашляет принужденно, и смотрит дипломатически). Да... но... Впрочем... Как честный человек, я понимаю вас, Клементьев, и верю вам. После об этом. Прежде всего я должен исполнить поручение, которое мне дала Агнеса Ростиславовна, исполнения которого она ждет. (Оборачиваясь к двери, громко.) Наденька, пойдн сюда.

Я В Л Е Н И Е 3

Т е ж е, На д я.

Г о р о д и щ е в (милостиво). Агнеса Ростиславовна присылает тебе, Наденька, приказание и подарок. Вот подарок (вынимает из бокового кармана бумажку, разворачивает и протягивает в сторону, где у дверей стоит Надя). Конфетка, — и как видишь (Надя между тем подходит взять) откушенная, — это откушено самую Агнесою Ростиславовною (все чувствительнее и внимательнее). Ты понимаешь, Наденька: она дарит тебе ту самую конфетку, которую кушала сама.

На д я (берет). Покорно благодарю, Андрей Дементьич. (Отходит на прежнее место.)

Г о р о д и щ е в. Мне нравится твое чувство, Наденька. Но положи в рот эту конфетку, и будет сладко. Что же ты не ешь?

На д я. До обеда не стану есть ее, Андрей Дементьич. Съем после обеда.

Г о р о д и щ е в (слегка приложив руку ко лбу). Да, это сообразно с правилами диететики. (Отнимая руку ото лба.) Я одобряю твою мысль, Наденька (едва договаривает, торопливо хватаясь опять за лоб — молчит. По размышлении опуская руку). Я нашел средство примирить ее интересы. Видишь ли, милая Надя. Какое затруднение представилось мне. Что, если Агнеса Ростиславовна спросит меня, понравилась ли тебе конфетка? Как сказать ей, что ты еще не съела. Быть может, она была бы огорчена мыслью, что ты не спешила воспользоваться ее подарком. Я не хочу стеснять твои намерения, Наденька, не хочу мешать твоим диететическим удобствам. Но еще менее могу я допустить огорчение до сердца Агнесы Ростиславовны. И так, не принуждаю тебя съесть эту конфетку сейчас же; но скажу Агнесе Ростиславовне, что она уже съедена тобою. Ты понимаешь меня, милая Надя? Скажи, как ты понимаешь мою мысль?

На д я. Это значит, если Агнеса Ростиславовна спросит меня о конфетке, я должна сказать ей, что я уже ее съела.

Г о р о д и щ е в. Именно так, милая Надя. (К Клементьеву, дипломатически улыбаясь.) Вам быть может, кажется, что я мелочен в моих предосторожностях. Но прошу вас вспомнить, как деликатны чувства Агнесы Ростиславовны, и вы согласитесь, что вопрос, повидимому довольно индифферентный, может иметь свою важность для человека, который обязан отвращать всякие огорчения от этого ангельского сердца.

К л е м е н т ь е в. Агнеса Ростиславовна добрая женщина, согласен; согласен и в том, что она всегда была сентиментальна до смешных...

Г о р о д и щ е в (хватая его за руку). Ради бога! (Наде.) Оставь нас одних. Через минуту я позову тебя. (Надя уходит.)

ЯВЛЕНИЕ

Городищев, Клементьев.

Городищев (с деликатным упреком). Клементьев, можно ли так говорить при Наде? Развитый ум знает, что каждый человек имеет свои недостатки, или слабости, и видя их, не перестает ценить то, что есть прекрасного и возвышенного. Но для грубого простонародного воззрения нет середины между слепым обожанием и кощунством. Чтобы остаться хорошою служанкою, Надя должна видеть в Агнесе Ростиславовне идеал совершенства. Это *conditio sine qua non*. Наше отношение к вопросу может быть иное, я не отвергаю того, и буду говорить с вами откровенно. Вы хотите сказать, что Агнеса Ростиславовна отчасти смешна.

Клементьев. Я хотел сказать, что прежде она была довольно забавна, но все же не доходила до такой щепетильности, какая заботит Вас. Или вы выставляете смешнее, чем она в самом деле, или вы слишком испортили ее этою заботливостью угодить ей во всяком вздоре.

Городищев (искренно и улыбаясь). Теперь я спокоен! Пусть будут у вас какие угодно намерения, вы не можете повредить мне, когда у вас такой взгляд на вещи. (Хохочет. Глубокомысленно.) Без глубокого убеждения, что воля Агнесы Ростиславовны — святой закон, вы не можете угодить ей, как бы ни старались! Не достанет воли, не достанет силы! Не будет искренности, теплоты! Вы видите, я играю с вами в открытую, Клементьев! Я могу играть так: в вас нет убеждения, которым силен я — и я непобедим!

Клементьев. Вы остались бы победителем, если бы я стал соперничать с вами. Но ваши сомнения были напрасны: я слишком далек от мысли отнимать у вас сердце Агнесы Ростиславовны. Я женюсь — женюсь по любви.

Городищев. Честное слово?

Клементьев (жмет плечами).

Городищев (с искренним восторгом). Я всегда знал вас за человека умного и благородного! Поверьте мне, вы избрали вернейший путь к счастью! Завидую вам (вздыхает, размышляет, и с пафосом, отчасти мрачным). Да, завидую! Ах, зачем я проникся этим несчастным чувством! Поздно вырвать его из моего сердца, — но клянусь вам, я отдал бы десять лет жизни за возможность излечиться! Клементьев! (Хватает его руку.) Моя жизнь — это пытка! Нет дня, в который бы я не проклинал себя за выбор этого тернистого пути, по которому ступаю истерзанными ногами, изнемогая под бременем бесчисленных забот! Вы говорите, я избаловал Агнесу Ростиславовну. Счастливцев, вы не были близок с нею, вы не знаете эту женщину! Вы говорите, она добра. Быть может. Но праздный ум, привычка считать себя центром вселенной, осью мирозда-

ния, — прихотливость фантазии, сумасбродная раздражительность самолюбия, ненасытимость подобострастных комплимент... (входит *Иннокентиев*).

Я В Л Е Н И Е 5

Т е ж е, *Иннокентиев*.

Иннокентиев (становится в позу и декламирует).

В цвете моих лет
Я построю шалет
И буду с тобою, мой друг,
Жить там с любовью вдруг.

Вот начало идиллии, *Андрей Дементьич*. *Агнеса Ростиславовна* прислала спросить вашего мнения.

Городищев. Скажите, что превосходно. Нежность *Петрарки*, художественность *Гёте*, энергия *Байрона*.

Клементьев. Здравствуйте, *Сидор Иванович*.

Иннокентиев. Здравствуйте, *Платон Алексеич*, очень рад! Но некогда. *Агнеса Ростиславовна* ждет меня — она ушла из беседки, *Андрей Дементьич*, сидит под липами.

Городищев. Сейчас приду. (*Иннокентиев уходит*.)

Я В Л Е Н И Е 6

Клементьев, *Городищев*.

Городищев. Вы видите! И я должен не только хвалить, — должен сотрудничать, отделявать! И поэзия, и музыка, и живопись, и все, чего хотите! То помогай ей, то сам выдумывай для нее! О, я научился понимать, как искренно и глубоко тяготилась жизнью *madame Maintenon*! (*Вздыхает*.) Пишет идиллию! Ах, если бы только писала, — а то из жизни вздумала сочинять идиллию. Видите, в какую глушь забралась, в какой лачуге живем. Нам надоел шум и блеск, и богатство тяготит нас. Мы хотим наслаждения природою, сближения с народом, нам нужна крынка сливок и любовь, — и любовь идеальная, платоническая: вот уже третий день пробавляемся только поцелуями, — баба здоровая, разбирает ее, — стонет даже, а все-таки не смей итти дальше поцелуев. И таким-то образом, мы счастливы под убогою кровлею. — «Я построю шалет» — чего, построю! Уже построила, — или все равно, наняла! (*Вздыхает*.)

Клементьев (с добрым беспокойством). Да что ж это? Она больна? Физически или нравственно?

Городищев. Какое! (*Вздыхает*.) Душою здорова, как телом, а телом как корова. С жиру бесится и от глупости. Только.

Клементьев. Послушайте, *Городищев*: все-таки, не хорошо так говорить о ней. Она в сущности добрая женщина.

Городищев. Добрая, не спорю. Даже отчасти и люблю ее, — вы не поверите, а люблю. Но (*ожесточенно махает рукою*)...

Желал бы я вам побыть неделю на моем месте, и послушал бы тогда, что вы заговорили бы! (Вздыхает.) Надобно итти к ней, ждет. (Громко.) Наденька, войди сюда.

Я В Л Е Н И Е 7

Т е ж е, На д я, как прежде останавливается у дверей.

Г о р о д и щ е в (важно и ласково). Я передал тебе, Наденька, подарок Агнесы Ростиславовны, остается тебе выслушать ее приказание. Возьми две столовые ложки одеколона, одну ложку винегр-де-туалет, влей в чашечку и поставь согреться. Также согрей и держи согретыми свои руки. Слышишь, милая Наденька?

На д я. Слышу, Андрей Дементьич (хочет итти).

Г о р о д и щ е в. Постой. Нет, рук не грей. А возьми большую мису, налей теплую водою и поставь на уголок очага, чтобы вода держалась теплою, очень теплою, — пока понадобится, потому что у меня есть мысль... Но если б и не так, то и для тебя удобнее, свободнее, — зачем же тебе жечь руки, когда можно обойтись без этого. Ты понимаешь, для чего вода?

На д я. Чтобы согреть в ней руки, когда будет надобно.

Г о р о д и щ е в. Так. Соразмеряй температуру воды с этим назначеньем. Чем теплее, тем лучше, — но чтобы не было кипятка, чтобы не обожгла. Иди же и займись этим порученьем, Наденька. (Надя уходит. Городищев Клементьеву.) Вы извините, — Агнеса Ростиславовна ждет меня помогать ей продолжать идиллию. Я думаю, мы скоро придем сюда, или я пришлю за вами. Кстати, зачем же приехали к нам? Вы женитесь, у вас нет денег, — угадываю, милый друг, — не сомневайтесь, Агнеса Ростиславовна с удовольствием поможет вам. Она капризна, но вы знаете, она очень добра (уходит).

К л е м е н т ь е в (останавливая его). Моя просьба к ней вовсе не о деньгах. Моя невеста...

За сценою голос Румянцева: «Андрей Дементьич, Агнеса Ростиславовна вас зовет...»

Г о р о д и щ е в. Иду, иду (убегает, в дверях сталкиваясь с Румянцевым и увлекая его).

Я В Л Е Н И Е 8

К л е м е н т ь е в, потом На д я.

К л е м е н т ь е в (идя к дверям во внутренние комнаты). Надежда Всеволодовна, где вы? Могу я взойти?

На д я (за сценою). Нет, Платон Алексеич, здесь такая теснота, столько вещей нагромождено везде, повернуться негде. Лучше я выйду к вам (выходит).

К л е м е н т ь е в. Вы сказали, Надежда Всеволодовна, что если бы можно было вам итти за меня, вы пошли бы. Чего же было мне ждать больше? Я сказал Городищеву, что женюсь.

На д я. Напрасно вы говорили ему об этом, потому что этого не будет, и прошу вас, не начинайте говорить с Агнесою Ростиславовною, потому что вы только расстроите ее — и я сказала: не могу итти за вас, Платон Алексеич. Вы разлюбили бы меня, — пошли бы ссоры между нами, — или молча вы стали бы горевать и стыдиться, — это все равно, если еще не хуже, нежели ссоры, — только и было бы, что погубила бы я себя своим согласием, погубила бы и вас.

К л е м е н т ь е в. Что за фантазия Надежда Всеволодовна.

На д я. Не фантазия, Платон Алексеич, а горький опыт.

К л е м е н т ь е в. Скажите, пожалуйста, какая вы опытная! Верно уже много раз выходили замуж и губили и себя и мужей?

На д я. Не смейтесь, Платон Алексеич, я говорю правду.

К л е м е н т ь е в. Помилуйте, можно ли не смеяться? — «Опыт», где он был у вас? Я видел из письма Сидора Иваныча, что вы живете все так же, как жили при мне. Если бы я не знал, что у вас благородное сердце, расположенное любить, жаждущее любви, можно бы подумать, что вы бездушная эгоистка. Красивая девушка — и держит себя так, что никто не решается сказать ей комплимент. Признавайтесь: верно вы дали обещание прожить век монашенкою, — так?

На д я. Я держу себя, как должна себя держать девушка в моем положении, так велит рассудок. Не забывайте, кто я. Сирота служанка. Кто вступился бы за меня? У кого достанет совести не наговорить мне дерзостей, подлостей? Благородная девушка может и дружить с мужчинами, и шутить с ними. А я, — только взгляни на мужчину, — и посыпались на меня обиды. Пусть же лучше говорят обо мне, что я и безжизненная, и бессмысленная. Вы должны понимать это и стыдно вам смеяться за то надо мною.

К л е м е н т ь е в. Я надсмеялся только над тем, что вы заговорили об опыте, а опыта у вас и теперь столько же, как было при вашем рождении. Вы еще не жили, Надежда Всеволодовна.

На д я. Правда, Платон Алексеич. Своего опыта у меня нет. Но чужого довольно, слишком довольно.

К л е м е н т ь е в. То есть, вы видите, что счастливые браки — очень редки?

На д я. Не перетолковывайте моих слов в глупом смысле, Платон Алексеич. Мои слова вовсе не о том. Когда венчаются люди честные, рассудительные, по взаимному расположению, — венчаться им не страшно, если они ровные между собою: редко ли мы видим счастливые браки, а их брак наверное будет счастлив. И дай бог, чтобы было больше таких. Я говорю только против неровных браков. Их тоже не мало, — но бывают ли в

том числе счастливые, я не видела; и думаю, что не может быть. Муж не муж, если не ровный жене; он тиран, или тряпка, о которую жена вытирает ноги, жена не жена, если не ровная мужу — она или деспотка, или интриганка, или бедная жертва тиранства, — во всяком случае, на мой взгляд, лучше быть не только монахиней, как вы подсмеялись надо мною, — лучше быть самою жалкою женщиною нежели такою женою.

К л е м е н т ь е в (*понежну опускавший голову, трет лоб*). Однако... однако... (*принужденно смеется*). Хороша же вы служанка, Надежда Всеволодовна! Вы не то что республиканка, — это еще куда бы ни шло, — вы нивеллизаторка! С такими понятиями, действительно, очень удобно и приятно быть служанкою!

Н а д я. Не понимаю этого нового имени, которое вы выдумали в насмешку надо мной, Платон Алексеич. Вижу только, почему вы смеетесь. Потому, что вам нечего возразить против моих слов.

К л е м е н т ь е в (*сидит задумавшись*). Скажите, Надежда Всеволодовна: должно быть вы много читали в эти годы!

Н а д я. В пять лет разве пять книг, Платон Алексеич, да и то, сколько могу судить, глупых.

К л е м е н т ь е в. Откуда же вы приобрели такие убеждения? Говорили с кем-нибудь, умным и развитым и честным человеком?

Н а д я. Честных людей много на свете, Платон Алексеич. Случается и мне говорить с ними. А из ученых и образованных, кому же, кроме вас, охота заниматься мною? Смотрела, как живут люди.

К л е м е н т ь е в. В самом деле, какую глупость я сказал. Будто правильный взгляд на жизнь почерпается из книг. Будто позаимствуешься им из разговоров с учеными!

Н а д я. Хорошо вам так отзываться о книгах и об ученых, Платон Алексеич, — вам приелось все это. А нам, бедным, как полезно было бы хоть немножко того, чем вы пренебрегаете! И видим мы все кругом себя, и будто правильно понимаем свое положение, — а смотрим, смотрим, думаем, думаем, — и ничего не можем разобрать, и ничего не придумаем. Я говорю не о себе, — моя жизнь лучше многих, — я говорю вообще. Да вот, например, когда вы пришли, я сижу, шью, а сама что думаю? Пробежали мимо окна три мальчика, — один сирота, у другого отец пьяница, у третьего отец больной, а семейство — полна изба; я и задумалась: что-то будет с вами, три мальчика? Кому из вас вором стать, кому с голоду умереть? А будет ли кому и пожить, как следует человеку...

К л е м е н т ь е в. Народ не может придумать, — и мы, ученые, ничего не можем... Ничего... (*с опущенною головою*).

Н а д я. Вы должны. Это ваша обязанность.

К л е м е н т ь е в. Может быть и придумали бы. Может быть, и придумали. Это так. Это мы только говорим в оправдание народу, будто виновато наше незнание. Знаем, что нужно. Задача не мудрая. Давно все известно. Но что мы будем делать, что мы можем сделать, когда народ не хочет того, что...

Я В Л Е Н И Е 9

Т е ж е, входит Р у м я н ц е в.

Румянцев держит себя так, как будто бы Нади не было тут. Она для него существо совершенно индифферентное, как для бесполой пчелы другая пчела, хотя бы бесполоая, хоть бы трутень или царица — все равно, вероятно, существа бесполое.

Р у м я н ц е в. Андрей Дементьич извиняются перед вами, Платон Алексеич, в том, что Агнеса Ростиславовна изволила долго задержать себя и его вместе с собою над видом реки и кормлением рыбок, в ней плавающих, и они, то есть Андрей Дементьич, приказали мне занимать вас, чтобы вам не было скучно одним. Вы изволите помнить меня, или забыли, Платон Алексеич? В последнем случае буду иметь удовольствие представить себя.

К л е м е н т ь е в. Не трудитесь. Я помню, кажется, помню даже ваше имя и отчество, — Иван Саввич, — так?

Р у м я н ц е в. Точно так-с. Покорно благодарю. Позвольте сесть, Платон Алексеич?

К л е м е н т ь е в. Сделайте одолжение (молчание).

Р у м я н ц е в. Я хотел посоветоваться с вами, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. Слушаю вас.

Р у м я н ц е в. Позвольте попросить вас посмотреть, как я одет, — не правда ли, хорошо-с? (Показывает ему все части своего туалета.) Вот сюртук-с (или «вот пальто» — если он в пальто, — и в остальном также можно переменить. Все равно что бы там ни было на Румянцеве) (подносит полу). Хороший-с. Вот жилетка (расстегивает верхние пуговицы, чтобы лучше было выпятить вперед на показ). Тоже хорошая-с. Теперь, с вашего позволения, панталоны-с (приподымает колено и оттягивая брюки от сапога) и панталоны очень хорошие-с. Возьмите наконец и сапоги-с (подымает ступню, даже вставая, чтобы удобнее вывернуть ногу). Все как следует, и каблуки-с (подвертывает подошву вверх) — о галстухе даже нечего и говорить, потому что это самая первая вещь в молодом человеке (вытягивает концы галстука). Это уже всякий понимает, должно быть хорошо. (Садится.) Словом одежда хорошая-с, вы согласитесь. Теперь, позвольте же спросить вашего мнения: для чего я так одеваюсь? — Потому что это стоит денег. Другие молодые люди щеголяют для девиц и барышень; это резон-с, я согласен. Но мне для чего же? Как я должен объяснить себе это?

К л е м е н т ь е в. Вы не думаете о том, чтобы нравиться девицам и барышням?

Р у м я н ц е в. Не имею этого желания.

К л е м е н т ь е в. Когда так, то я не знаю, для чего же вы так щеголяете.

Р у м я н ц е в. Для того, чтобы не отстать от других.

К л е м е н т ь е в. Что ж, и это хороший резон.

Р у м я н ц е в. Так вы одобряете Платон Алексеич?

К л е м е н т ь е в. Совершенно.

Р у м я н ц е в. Я очень благодарен, Платон Алексеич, за то, что вы были так добры и, рассмотревши все, успокоили меня (*молчит. По некотором молчании.*) Платон Алексеич, позвольте мне затрудить вас еще одним вопросом.

К л е м е н т ь е в. Не затруджайте, если он о туалете, потому что я не знаток в модах.

Р у м я н ц е в. Нет-с; это больше касается до нравственности. Вот-с, я имел удовольствие объяснить вам, что не подвержен желанию нравиться девицам. Позвольте узнать: почему же не подвержен?

К л е м е н т ь е в. Я не могу судить об этом.

Р у м я н ц е в. Позвольте же мне изложить это яснее. Вот-с, если вы изволите посмотреть на Надежду Всеволодовну, ее лицо понравится вам, и всякому понра...

Н а д я (*вставая*). Иван Саввич, я не люблю, чтобы занимались мною (*уходит*).

Р у м я н ц е в (*продолжая, без малейшей перемены*). И всякому понравится, а мне теперь на нее ли смотреть, на кого ли из девиц или барышень все равно-с: никакого чувства не производит это и не нахожу нисколько интереса, и если бы, как вы, может, быть, подумали, это было от воли божией, как бывают некоторые от рождения или теряют впоследствии. В таком случае не о чем спрашивать. Но если вы посмотрите на меня, то увидите, что я создан богом вполне как следует и не приобрел никаких потерь, и не только не имею недостатков по наружности, но даже и могу чувствовать. Потому и затруднительно понять, отчего же, когда человек совершенно одарен, и даже может чувствовать, почему же не чувствует?

К л е м е н т ь е в. Мало ли какие могут быть причины?

Р у м я н ц е в. Нет-с, никаких причин я не нахожу в себе, чтобы не иметь этого чувства, а не имею его только потому, что не поощряю себя к этому.

К л е м е н т ь е в. Значит, вы умный человек.

Р у м я н ц е в. Покорно вас благодарю, Платон Алексеич. Но только, почему же я не поощряю себя к этому? Вижу я, например, девицу, и знаю, что при этом много хлопот и могут быть неприятные отношения, что, например, приедет ее брат, или жених, или даже и посторонний, и начнет меня бить в за-

шенну. И сама девица, может, вместо удовольствия, отлупит меня по щекам. Какая же тут приятность, не правда ли-с?

К л е м е н т ь е в. Совершенная правда.

Р у м я н ц е в. Вот поэтому я и не поощряю себя.

К л е м е н т ь е в. И прекрасно делаете. (*Молчание.*)

Р у м я н ц е в (*опять*). Позвольте ли, Платон Алексеевич, утрудить вас еще одним вопросом?

К л е м е н т ь е в (*сидевший в раздумье; вздрагивает, очнувшись*). Но это вздор! (*К Румянцеву.*) Не обидьтесь, Иван Саввич, это относилось не к вашим словам; я сказал так о том, что сам думал. (*Громко.*) Надежда Всеволодовна, идите к нам. Теперь мы не будем говорить вам комплиментов (*к Румянцеву*) — Иван Саввич, будьте так добр, сходите к Андрею Дементьевичу, где он там; (*между тем входит Надя*) спросите, скоро ли придет он с Агнесою Ростиславовною, или пусть позовут меня к себе, — я хочу поскорее поговорить с нею.

Р у м я н ц е в. Очень хорошо-с (*уходит*).

Я В Л Е Н И Е 10

К л е м е н т ь е в, Н а д я.

Н а д я (*выходит*). Хорошо вы поступаете, Платон Алексеич? Я сказала вам, что несогласна, а вы все-таки хотите говорить с Агнесою Ростиславовною — делаете именно то, чего не делать я просила вас. И что же это, наконец, вы хотите, чтобы меня отдали за вас насильно?

К л е м е н т ь е в. Если и повезем вас в церковь силою, скажите там «несогласна» — и священник откажется венчать.

Н а д я. Прошу вас говорить со мною серьезно, как я говорю с вами, а не отшучиваться.

К л е м е н т ь е в. Да чем же иначе, как не шуткою, отвечать на ваши слова? Разве вы серьезно думаете, что я хочу или соглашусь, чтобы вас отдали за меня насильно? Но действительно я хочу и обязан воспользоваться всеми средствами убеждения, чтобы вы отбросили напрасные ваши страхи. Вы сами сказали, что мнение Агнесы Ростиславовны очень важно для вас, — как же я не должен попросить ее ободрить вас?

Н а д я. Мои опасения напрасны? Это как же? Я очень ясно видела, что вы были совершенно смущены моими словами, — вам нечего было возразить, или в эти две-три минуты все те десятки, может быть сотни, неравных браков из несчастных сделались счастливыми? Покажите мне эту перемену, покажите мне, что в эти три минуты свет перевернулся, мужики привыкли элегантно вальсировать, аристократы стали ловко и усердно пахать и косить, — о, покажите мне, что исчезла разница сословий и воспитаний, — и я буду очень рада, — за всех, и за себя, но пока этого нет, неровные браки остаются неровными, т. е. безрассудными,

погибелью, и вы не переубедите меня пока есть у меня хотя капля здравого смысла.

К л е м е н т ь е в. И не буду переубеждать. И пусть будет по-вашему, что неровные браки не могут быть счастливы. Вы сбили меня с толку вашими неровными браками. Вот сейчас только опомнился и разобрал, что не следовало и рассуждать о счастье или несчастья неровных браков. То, что я предлагаю вам, не имеет никакого отношения к этим мыслям. В нашем браке не будет никакого неравенства. У вас нет ничего, — и мое богатство точно такое же. Вы живете тем, что работаете, и мне без работы нечем жить. Привычки у нас одинаковые: трудолюбие, подавление в себе пустых прихотей, — и стремления одинаковы: жить тихо, смиренно, честным трудом. Равны ли мы? Того мало, что мы равны, моя милая, ненаглядная: мы с тобою один и тот же человек, — как же нам не жить заодно? Давай руку, ты, живущая моей жизнью, мне, живущему твоею жизнью, — давай мне руку на любовь, — не ко мне, к себе самой: я — это ты; ты — это я (Она будто в забытии, как околдованная, машинально дает ему руку, — но вострепнувшись, вырывает руку и закрывается, — не с отчаянием, а с грустным спокойствием).

На д я (закрываясь, тихо и грустно). Боже мой, как легко тому, кто выучился говорить, обмануть, оболгать бедную, почти безграмотную! Платон Алексеич, ваши слова прекрасные, но пустые слова. Я своих слов не умею защитить, и они не хороши, — но в них правда. Я не равная вам и не жить нам вместе, пока бог не отнимет у меня рассудка. (Молчит. Слышатся сдерживаемые тихие рыдания.) Жаль мне вас, потому что я знаю: у вас честное сердце, искреннее, и вы любите меня всею душою... Жаль мне и себя самой, потому что и я люблю вас... Но... но, мой милый друг... (постепенно и рыдания усиливаются и оттого голос все громче) не быть нам сильнее своей судьбы, не переменить мне своего прошлого... не быть мне достойною вас... не переменить и вам своего прошлого, не разучиться всему хорошему, чему научились вы... не унижить вам себя до того, чтобы не постыдиться своей любви к дуре... (это уже почти крики) безграмотной, с подлыми привычка...

Я В Л Е Н И Е 11

Т е ж е, Иннокентиев, в руках альбом, он держит его с благоговением.

Иннокентиев. Что это за...

На д я (вскакивая). Боже мой, что подумают, скажут обо мне (убегает).

Я В Л Е Н И Е 12

К л е м е н т ь е в, Иннокентиев.

Иннокентиев. (Так и остается с альбомом, который держит на обеих ладонях, подобно тому, как в процессиях носят

регалли). Что это за сцена, невольным свидетелем которой я сделался? Платон Алексеич, неужели вы могли оскорбить невинную девушку непристойными посягновениями?

Клементьев. Успокойтесь, добрый Сидор Иванович: никаких посягновений на Надежду Всеволодовну у меня нет, потому что я сделал предложение...

Иннокентиев (*перебивая с изумлением*). Вы сделали предложение? Как вы отважились, Платон Алексеич? Вы, и посмели сделать предложение Агнесе Ростиславовне!

Клементьев. Вовсе не Агнесе Ростиславовне.

Иннокентиев (*разевает рот — хлопает глазами*). Как не Агнесе Ростиславовне? Так кому же? О какой же другой женщине можно думать, когда видишь Агнесу Ростиславовну?

Клементьев. Это правда. Но мой дурной вкус извиняется тем, что я пять лет не видал Агнесу Ростиславовну и теперь дожидаюсь увидеть Агнесу Ростиславовну, а не вижу ее.

Иннокентиев (*успокаиваясь*). Да, ну разве что так. Это точно, вы не видели Агнесу Ростиславовну пять лет, так, та-ак. Вы обратили внимание на другую потому что там, где вы жили, вы не имели перед глазами Агнесу Ростиславовну. Та-ак. Ну, хорошо; вы сделали предложение, так отчего же Наде было плакать? От ревности, что ли? Да не могла же она вообразить, что выйдет за вас?

Клементьев. Могла воображать, или не могла, но выходит.

Иннокентиев (*разевая рот*). Как, выходит?

Клементьев. Так.

Иннокентиев. Да помилуйте, неужели же предложение-то ваше вы сделали ей?

Клементьев. Ей.

Иннокентиев. Ну-у!

Клементьев. Для кого другого, Сидор Иванович, это еще могло бы быть неожиданностью, а для вас-то не должно бы тут быть ничего непредвиденного.

Иннокентиев. Как же я-то мог предвидеть?

Клементьев. Да когда я в своем письме спрашивал вас, где Надежда Всеволодовна, что с нею, вышла ли она замуж, или нет ли у нее жениха.

Иннокентиев. Да-а-а! Так в этих вопросах надобно было видеть такой смысл, а не простое любопытство, — та-а-ак!

Клементьев. Конечно, Сидор Иванович. Разве мало было у меня занятий, или мало на что смотреть, или о чем думать, чтобы любопытствовать через пять лет о ком-нибудь, кто не был бы очень дорог мне?

Иннокентиев. Та-а-ак! Теперь понимаю. Та-а-ак.

Клементьев. Но когда вы не видели ничего серьезного в моих вопросах о Надежде Всеволодовне, тем больше я дол-

жен благодарить вас за внимательность, что вы потрудились отвечать на вопросы, которым не придавали никакой важности.

Инокентиев. Полноте, свой своему всегда друг, — мы оба граждане царства наук.

Клементьев. Не отрекайтесь от права на мою благодарность, добрый друг, надобно мне крепко пожать вашу руку — да кстати же мы еще и не здоровались хорошенько. (*Хочет снять альбом с рук Инокентиева.*) Давайте-ка освобожу вас от ноши, и поздороваемся.

Инокентиев (*отстраняя руки с альбомом*). Тише, тише! этого нельзя так хватать.

Клементьев. Да что ж это за святыня? Реймское евангелие, что ли? Или подлинник Илиады, рукопись самого Гомера?

Инокентиев. Альбом рисунков Агнесы Ростиславовны. Вот я вам покажу.

Клементьев (*удерживая*). После когда-нибудь, Сидор Иваныч. А скоро придет она сама?

Инокентиев. Сию минуту будет здесь. Набросала два-три куплета элегии, покормила рыбок, села, набросала два-три эскиза в этот альбом и встала итти сюда, попросила Андрея Дементыча вести ее под руку, а меня попросила взять нести альбом. Они отстали от меня, потому что она очень нежного сложения, но сию минуту будут здесь. Да-а, да-а, так вы хотите жениться на милой нашей Наденьке, — да-а, да-а (*помолчав*). Да-а, та-ак (*помолчав*). Но только это совершенная неожиданность для меня. (*Помолчав.*) Платон Алексеич, послушайте совет искреннего вашего друга, человека пожилого, смотрящего на вещи хладнокровно: подумайте, как же это можно?

Клементьев. Об этом напрасно говорить, Сидор Иваныч.

Инокентиев (*вздыхает*). Неблагоразумно, Платон Алексеич; безрассудно.

Клементьев. Будем говорить о чем-нибудь другом. Пожалуй, хоть о ваших ученых трудах. Что вы теперь пишете?

Инокентиев. Находя вас неблагоприятным мечтателем в жизни, Платон Алексеич, дорожу вашим мнением в ученых делах. С удовольствием представлю на вашу оценку мой слабый труд, прочту главные места (*хочет итти*).

Клементьев (*удерживая*). Читать некогда, Сидор Иваныч; расскажите лучше на словах, покороче. О чем ваше сочинение?

Инокентиев. Труд мой имеет предметом историю Серпуховых-Карелиных, это мысль Агнесы Ростиславовны, Платон Алексеич. Женщина гениального ума. Я очень много обязан ей в ученом отношении; видя во мне желание заняться этим исследованием, она доставила мне и все нужные для того материалы,

открывши для меня фамильный архив, — я привез и сюда три большие кипы документов; она же и руководит меня своими указаниями в объяснении смысла фактов. Важна также и помощь Андрея Дементьича. Благодаря его и в особенности ее просвещенному и гениальному содействию, надеюсь, труд мой будет не бесполезным для прогресса науки.

К л е м е н т ь е в. Добрый Сидор Иваныч, понимаете ли вы, чего она ждет, и понимает ли она, что выйдет? История Серпуховых — то есть предков Агнесы Ростиславовны, — и Карелиных — то есть фамилии, в которую вступила она через замужество — это, просто-напросто ваш труд должен быть пьедесталом для величия самой Агнесы Ростиславовны. Но, Сидор Иваныч, вы должны предупредить ее, что она хочет невозможного и ошибается в расчете. Вместо панегирика, у вас непременно выйдет смесь обвинительного акта с пасквилем.

И н н о к е н т и е в. Бог с вами, Платон Алексеич; как это можно.

К л е м е н т ь е в. Да не может выйти иначе, Сидор Иваныч; — только потрудитесь перебрать в уме главные факты. Предки Агнесы Ростиславовны были темные воры по мелочи, пока, наконец, род Серпуховых прославился подвигами двух братьев. Старший ограбил целую губернию и по мерзкому скряжничеству оставлял единственного сына умирать с голоду. Сын и умер. Тогда другой братец, — отец Агнесы Ростиславовны — мелкий негодяй, живший чуть ли не лакеем у брата, угостил его мышьяком и взял его наследство. Хороша история Серпуховых, предков Агнесы Ростиславовны! А фамилия Карелиных — все глупцы и трактирные герои, такие же как муж Агнесы Ростиславовны, пошлый гуляка, убитый бутылкою в пьяной драке. Пасквиль и обвинительный акт — ничем не может быть история Серпуховых и Карелиных. Вы должны растолковать Агнесе Ростиславовне, она добрая женщина, и вам, человеку честному, следует удерживать ее от фантазии, из которой не выйдет для нее ничего, кроме стыда и огорчения.

И н н о к е н т и е в. По обязанности ученого, я терпеливо выслушал ваши замечания, мой собрат-ученый. Но вы смотрите на предмет поверхностно. Глубокое истолкование фактов бросает на них совершенно иной свет, и открывает в них идеи, внесение которых в развитие человечества будет содействовать возрождению одряхлевшей цивилизации запада: смирение и любовь, простоту разума и мудрость сердца. Вы говорите, например, что муж Агнесы Ростиславовны убит в ссоре бутылкою, и видите только эту материальную сторону факта. Но вникните в подробности и побуждения, вам откроется иной, высокий смысл. Было тридцать человек в комнате, — это была беседа шумная, но выражающая идею славянского братства. Двое из них начали драться. Другие приняли участие в ссоре, — почему? — не по-

тому, чтобы имели собственные, эгоистические причины драться между собою, — нет! — но по бескорыстному влечению помогать поссорившимся, — это идея самоотверженной любви к ближним, в славянском духе — и если муж Агнесы Ростиславовны пал в этой борьбе, он пал страдальцем за высокую идею славянского братства.

К л е м е н т ь е в. Вы, как я вижу, стали немножко славянофилом, Сидор Иваныч.

И н н о к е н т и е в. Благодаря влиянию Агнесы Ростиславовны, Платон Алексеич. Но если вы, как я предполагаю по вашему замечанию, остались чужды этому стремлению века, объединяющему всех славян в объятиях нашей любви, то можете вместо термина «славянская идея» подставить «наша национальная идея». Все истины — одна и та же единая истина. Славянство — истина и патриотизм — истина. Поэтому быть славянином или патриотом, это одно и то же. Славянские ручки должны слиться в нашем море, по предсказанию нашего великого поэта.

К л е м е н т ь е в. Прекрасно сказано, Сидор Иваныч.

И н н о к е н т и е в. Вы убеждены, Платон Алексеич?

К л е м е н т ь е в. Совершенно.

И н н о к е н т и е в. Душевно рад, Платон Алексеич, и надеюсь теперь, что если уже суждено вам сделать это безрассудство, жениться на милой Наденьке, то вы будете правильно понимать отношения Наденьки и через Наденьку ваши собственные к Агнесе Ростиславовне.

К л е м е н т ь е в. Надеюсь, добрый Сидор Иваныч.

И н н о к е н т и е в. Но прошу вас, скажите, как вы будете понимать, чтобы я мог быть спокоен в том смысле, что вы не нанесете удара сердцу Агнесы Ростиславовны заблуждением в ваших понятиях.

К л е м е н т ь е в. Извольте. Из уважения к вашему искреннему добродушию скажу, какие понятия у меня об этом. Надежда Всеволодовна лишилась матери, когда была еще грудным ребенком...

И н н о к е н т и е в. Точнее сказать: через пять дней по рождении.

К л е м е н т ь е в. Отец Агнесы Ростиславовны не выбросил сироту на улицу, а позволил прислуге воспитывать девочку, — в жизни такого мерзавца это надобно считать подвигом необыкновенной добродетели.

И н н о к е н т и е в. Платон Алексеич, прошу вас, не забывайте, что он был отец Агнесы Ростиславовны, и что поэтому я благоговею перед его памятью и понимаю его характер как совершенно благородный. Потому, умоляю вас, воздерживайтесь от иронических суждений о нем. Привыкнуть говорить о нем почтительно будет тем полезнее для вас, что малейшая неосторожность

ваша в этом предмете оскорбила бы Агнесу Ростиславовну. Сделав это замечание, прошу вас продолжать.

К л е м е н т ь е в. Девочка подросла — была красива, ловка, умна. Ее сделали горничною Агнесы Ростиславовны. Барышня, потом барыня, была не зла от природы, горничная служила усердно, — потому не имела особенных неприятностей. Обыкновенно была более или менее сыта, — если и голодала, то изредка, чего же требовать больше? Надобно назвать Агнесу Ростиславовну хорошею госпожою. Пусть моя жена остается благодарна ей, если хочет, — я не имею против этого никаких возражений, и даже сам готов, если моя жена будет требовать того от меня, — готов выражать мою признательность Агнесе Ростиславовне за то, что она была хорошею госпожою для моей жены.

И н н о к е н т и е в. Продолжайте, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. Я кончил.

И н н о к е н т и е в. Этого недостаточно.

К л е м е н т ь е в. Не могу ничего прибавить.

И н н о к е н т и е в. Как не можете? Зачем умалчивать о самом главном факте отношений Агнесы Ростиславовны к Наде, — о факте, который должен наполнять ваше сердце беспредельно и уважением к ангельской деликатности, кротости, нежности души и Агнесы Ростиславовны?

К л е м е н т ь е в. О каком же факте?

И н н о к е н т и е в. О родстве.

К л е м е н т ь е в. О родстве? Как, что такое?

И н н о к е н т и е в. А я думал, вы давно знаете. Неужели же Андрей Дементыч не сказал еще тогда, как вы ходили заниматься в нашей библиотеке? Как же он не говорил вам? Он был так дружен с вами.

К л е м е н т ь е в. Он был дружен со мною! Добрый Сидор Иваныч, он готов был тогда задушить меня. Он воображал, что я хочу волочиться за Агнесою Ростиславовною.

И н н о к е н т и е в. Так он ничего не говорил вам? Так вы не знали этого родства? Значит я проговорился перед вами! Эх! как же это я опростоволосился! *(Качает головою.)* Но, впрочем, что же за беда? Перед своим собратом, не важность и сказать лишнее. Даже все к лучшему. Теперь вы больше будете понимать благородство Агнесы Ростиславовны, и даже понятия о ее отце переменяются у вас. Видите ли... *(молчит).*

К л е м е н т ь е в. Ну, что же?

И н н о к е н т и е в. Да признаться, поусомнился, следует ли говорить.

К л е м е н т ь е в. Теперь поздно недоговаривать, Сидор Иваныч. Не скажете вы, буду разузнавать от других. Спрошу саму Надежду Всеволодовну.

И н н о к е н т и е в. Ну, от нее-то не узнаете, я спокоен в этом. Она сама ничего не знает.

К л е м е н т ь е в. Не может быть!

И н н о к е н т и е в. Нечему тут не мочь быть, Платон Алексеич. Ей было меньше недели от роду, когда ее мать умерла. От кого ж ей было узнать?

К л е м е н т ь е в. Пустяки; все-таки слышала от кого-нибудь.

И н н о к е н т и е в. Не от кого было. Теперь из нас, которые в живых, только трое и знаем это: Агнеса Ростиславовна, да мы с Андреем Дементьевичем, и все обещались ее покойному отцу хранить тайну. Благородный был человек, деликатный! Не любил сплетен, не хотел делать напрасного стыда людям.

К л е м е н т ь е в. Когда так, теперь уже не о чем вам молчать, Сидор Иваныч; мне все известно.

И н н о к е н т и е в. Ну, значит обманывали меня, Платон Алексеич, будто не знали, знали от Андрея Дементьича!

К л е м е н т ь е в. Знал ли, не знал ли прежде, теперь знаю вот что: отец Агнесы Ростиславовны получил богатство по смерти старшего брата. У этого брата был сын, умер в Москве раньше отца. Мать Надежды Всеволодовны была любовницей этого сына. Надежда Всеволодовна его побочная дочь.

И н н о к е н т и е в. Так и есть, вы обманывали меня: Андрей Дементьич все сказывал вам!

К л е м е н т ь е в. Ничего не сказывал мне ваш Андрей Дементьич.

И н н о к е н т и е в. Так от кого же вы узнали? Значит от Нади, стало быть, в противность нашей уверенности, она знает все! О, какая же хитрая! Знает, и показывает вид, что не знает! И как могла дознаться? О, какая хитрая! Надобно расспросить ее обо всем, предупредить, чтобы не вышла наружу ее хитрость перед Агнесою Ростиславовною, не огорчила бы этого ангела! Наденька, где ты! Иди сюда, моя...

К л е м е н т ь е в (*напрасно удерживая его*). Не зовите. Не о чем спрашивать ее. Она ничего не говорила мне.

И н н о к е н т и е в. Нет, нет, не обманете! Не от нее, то от кого же могли узнать?

К л е м е н т ь е в. Да от вас же.

И н н о к е н т и е в. Нет, из моих слов вы не могли узнать кто ее отец!

К л е м е н т ь е в. Да чего же тут не знать, когда ее отчество — Всеволодовна, а двоюродного брата Агнесы Ростиславовны звали Всеволод. Вы сами навели на эти мысли.

И н н о к е н т и е в. Нет, нет, этого вы не могли угадать, не обманывайте! Я сам давно знал все это и много думал, кто отец Нади, а не мог угадать, пока не открыли мне! О, нет, нет, вам это сказано, — не отпирайтесь: Она сказала! Надобно расспросить ее и предупредить. (*Громко.*) Надя, иди сюда, моя милая.

К л е м е н т ь е в (*стараясь перебить*). Не зовите ее, я не хочу

видеть ее, пока не переговорю с Агнесою Ростиславовною; Надежде Всеволодовне тяжело говорить со мною, пока она не уверена в согласии Агнесы Ростиславовны на наш брак.

Инноцентиев (*ничего не слушая, кричит между тем все громче и громче*). Надя, Наденька!.. Наденька, а, Наденька!.. Наденька.

ЯВЛЕНИЕ 13

Клементьев, Иннокентиев, Надя

Надя. Чего изволите, Сидор Иваныч?
(*Клементьев хочет уйти. Иннокентиев хватает и держит его.*)

Инноцентиев. Нет, не пушу! Должны присутствовать при допросе, а то скажете, что я спугал ее, спрашивал недобросовестно. (*Кротко.*) Скажи, милая Наденька, ты родственница Агнесы Ростиславовны?

Надя. Я никогда не говорю об этом, Сидор Иваныч; вы должны понимать, почему не говорю. Мне больно говорить, мне горько и думать об этом. Прошу вас, позвольте уйти.

Инноцентиев. Не могу позволить, милая Наденька. (*К Клементьеву.*) Видите, все обнаруживается, как я угадал! (*К Наде.*) Скажи, милая Надя, как же ты родня Агнесе Ростиславовне?

Надя. Не мучьте меня, Сидор Иваныч.

Инноцентиев. Мне жаль огорчать тебя, милая Наденька, но я обязан, — для твоей собственной пользы и для спокойствия той, спокойствие которой должно быть самою священной заботою для тебя. — Скажи, мой друг, не стыдись: в каких отношениях находилась твоя мать к твоему отцу?

Надя (*с рыданиями*). Этого не могло быть... Моя мать не могла продать себя, не могла ни обманывать, ни обирать, — она любила моего отца! (*Бежит.*)

Инноцентиев (*ловит ее*). Постой, милая Наденька, договорим.

Клементьев (*отводит его руку, сам берет Надю*). Позвольте, Сидор Иваныч, вы не умеете говорить. Надежда Всеволодовна, я слышал, что ваша мать была очень добрая, скромная женщина. Каковы бы ни были ее отношения к вашему отцу, они были благородны. Вы заслуживали бы презрения, если бы вы стыдились вашей матери.

Надя. Я не стыжусь ее, Платон Алексеич, мне только горько, что другие могут думать о ней дурно.

Клементьев. Я думаю о ней, как следует честному человеку думать о женщине кроткой и скромной. Со мною вам не должно быть горько говорить о ней. Расскажите же, что вы знаете о ней. Я не желал бы настаивать, но вы видите, это необходимо. Без этого Сидор Иваныч подымет шум, которого вы хотите избежать.

Надя (после раздумья). Как я выскажу то, что я предполагаю? Моя догадка должна показаться неправдоподобной даже для вас, Платон Алексеич.

ЯВЛЕНИЕ 14

Те же, вбегает Румянцев.

Румянцев (вбегая). Агнеса Ростиславовна поймала козявочку. Хорошенькую, хочет показать вам.

Иннокентиев (Клементьеву). Видите, какое у нее сердце. Всегда хочет поделиться с другими всякою радостью. Я сейчас вернусь к вам. Вы, Наденька, не уходите. (Уходит с Румянцевым.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Надя, Клементьев.

Клементьев. Мне говорили, Надежда Всеволодовна, что ваша матушка приехала в деревню родных Агнесы Ростиславовны больная.

Надя. И я так слышала, Платон Алексеич. Как приехала, так и не выходила из комнаты.

Клементьев. Надобно думать, ее здоровье было расстроено смертью вашего батюшки.

Надя. И я так думаю, Платон Алексеич, но... (молчит).

Клементьев. Что, Надежда Всеволодовна?

Надя. Я сказала вам, Платон Алексеич, у меня странные мысли об этом...

Клементьев. Говорите, нужды нет; покажутся ли они мне вероятны, или нет, вы не можете ждать от меня насмешки.

Надя. Ваша правда. Если я и ошибаюсь, мои мысли внушены мне любовью к матери, тут не может быть ничего смешного. Тот, которого называют моим отцом — Всеволод Серпухов, он не мог быть моим отцом. Говорят, он был человек с благородным характером, — и должно быть, это правда, когда моя мать так любила его, что поехала к его родным после его смерти. Такой человек не мог бы иметь любовницею любимую женщину и если б он был мой отец, моя мать была бы законною его женою.

Клементьев. Но быть может, они не могли повенчаться. Быть может, он был женат.

Надя. Нет, Платон Алексеич.

Клементьев. Или ваша матушка уже имела мужа.

Надя. Такой человек не мог обольщать чужих жен, и моя мать не могла изменить мужу.

Клементьев. Это слишком большое незнание жизни; иногда и самые лучшие люди отступают от правил житейского

порядка. Это не бесславие, когда то необходимо и когда наши побуждения чисты.

На д я. Я понимаю, Платон Алексеич. Но я не хочу верить тому ни о моей матери, ни о честном человеке, которого называют моим отцом. Она не была его любовницею, он не имел любовницы, — так я хочу верить, Платон Алексеич. Я хочу верить, что мой отец был муж моей матери, что они были бедны, что мой отец умер, что благородный человек, которого напрасно называют моим отцом, был друг их и когда моя мать, — беременная мною, потеряла мужа и осталась без куска хлеба, он стал заботиться о вдове, — а когда стал умирать сам, просил своих родных не отказать в приюте бедной беременной вдове его друга. *(Печально улыбается.)* Вы видите, какую неправдоподобную историю придумала я, чтобы сохранить полное уважение ко всем, кого люблю. Вы скажете: а мое отчество, Всеволодовна, — как же это? Я и на это придумала ответ: моя мать уже умерла, когда крестили меня; кто мог верить, что молодой человек, покровитель молодой женщины, не любовник ее? Если она и сказывала имя истинного моего отца, они все подумали: она лжет, — и когда выбирали для меня отчество, выбрали не по ее словам, а по своей уверенности. Скажите, все это неправдоподобно?

К л е м е н т ь е в. Неправдоподобно, мой друг; но нет надобности находить это вероятным, чтобы сохранить полное уважение к вашей матери и Всеволоду Серпухову — кто бы ни был он вам, отец или нет.

На д я. Вот, я и вперед знала, что вы не поверите. А все-таки, я остаюсь убеждена, что Всеволод Серпухов не был моим отцом, и что я вовсе не родня Агнесе Ростиславовне.

К л е м е н т ь е в *(помолчавши)*. То, что вы придумали, мой друг, неправдоподобно. И однакож это может быть правдою. Ваши доказательства вовсе не убедительны: они основаны только на чувстве, и даже меньше, нежели на чувстве: только на предубеждении. Но мне пришло в голову: как же в самом деле поехала бы ваша мать к родным Всеволода Серпухова, если бы была его любовницею? Это нравственная невозможность. Да, я вижу: история вашей матушки понятна только при том предположении, какое делаете вы. Да, я сам почти готов сказать, что вы не родня Агнесе Ростиславовне. Но скоро ли, наконец, придет эта любительница рыбочек и козявочек?

На д я. Платон Алексеич, я не хочу, чтобы вы говорили с нею. Решительно не хочу итти за вас.

К л е м е н т ь е в. Почему же вы не хотите, когда любите меня?

На д я. Мы довольно говорили об этом.

К л е м е н т ь е в. Нет, мало. В ваших словах попалась мне фраза, что вы не жалуетесь на свою судьбу, что вам жить лучше, нежели многим другим.

На д я. Что ж, это правда, Платон Алексеич.

К л е м е н т ь е в. Вот в этом-то вашем довольстве и заключается истинная причина того, что вы не соглашаетесь на мою просьбу. Мысли о неудобствах неровного брака, — справедливые ли, нет ли, не имели бы сами по себе большого веса. Но вы думаете, что вам здесь хорошо, и вы боитесь потерять это хорошее положение.

На д я (*подумав*). Правда, Платон Алексеич. Я сама не замечала, что это главная причина. Но точно, она главная. Страшно и неблагоприятно решаться на перемену судьбы, как судьба хороша.

К л е м е н т ь е в. Так. Но вы ошибаетесь в том, что применяете это правило к себе. Разве вам хорошо жить?

На д я. Хорошо, Платон Алексеич. Вы сам видите, все эти люди добры ко мне.

К л е м е н т ь е в. При посторонних.

На д я. И без посторонних. Никто не делает ни малейшей неприятности мне.

К л е м е н т ь е в. Уверяйте.

На д я. Разумеется, невозможно жить на свете совершенно без всяких неприятностей. Но если бы кто хотел обидеть меня, все боятся, потому что Агнеса Ростиславовна очень расположена ко мне и я справедливо люблю ее.

К л е м е н т ь е в. Я и не имею ничего против вашей любви к ней: она добрая женщина, я сам готов защищать ее от лишних порицаний. Но она прихотница, — ей нечего делать, — я вижу, какую беготню ежеминутно подымает она от безделья. Когда такая суетня с нею каждому из них, сколько же хлопот вам, ее горничной?

На д я. Я и не хочу скрывать, Платон Алексеич: мне очень много хлопот. Но жить можно.

К л е м е н т ь е в. Но завидна ли такая жизнь?

На д я. Дело не в том, завидна ли; только сносна ли. Когда сносна, человек моего состояния должен иметь одно желание: пусть продлится так, не было бы хуже.

К л е м е н т ь е в. Апатия невольничества, Надежда Всеволодовна.

На д я. Скажите проще, Платон Алексеич: для меня не совсем понятно слово апатия.

К л е м е н т ь е в. Робость, трусливость рабов.

На д я. Нет, Платон Алексеич: только благоразумие бедных людей. Но кто-то идет. Дайте же мне слово, что не будете говорить с Агнесою Ростиславовною.

К л е м е н т ь е в. Буду говорить, Надежда Всеволодовна. (*Входит Иннокентиев.*)

ЯВЛЕНИЕ 16

Т е ж е, Иннокентиев.

Иннокентиев. Продолжим нашу прерванную беседу. Ты должна, милая Наденька, услышать от меня советы, внушаемые искренним расположением...

Клементьев. Мы с Надеждою Всеволодовною не сомневаемся в нем, но не беспокойтесь за наше благоразумие: мы оба будем молчать о ее родстве с Агнесою Ростиславовною.

Иннокентиев. Честное слово?

Клементьев. Извольте, честное слово.

Иннокентиев. Не только за себя, но и за нее?

Клементьев. И за нее.

Иннокентиев. Ну, и слава богу! И прекрасно! Милая Наденька, Агнеса Ростиславовна сейчас придет, подогреты ли духи и вода?

Надя. Подогреты.

Иннокентиев. А чисты ли у тебя руки?

Надя. Чисты.

Иннокентиев. Нет, лучше покажи (*смотрит руки ее, в особенности ладони*). Хорошо, чисты; теперь я спокоен. Иди теперь туда, где там эти духи и миса, и стой и будь готова принести по первому зову. (*Надя уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 17

Клементьев, Иннокентиев.

Иннокентиев. Ну, слава богу, Платон Алексеич, что ваши поступки и слова будут благоразумны и приятны Агнесе Ростиславовне. Но должно привести и самые ваши чувства к ней в более полное соответствие с долгом справедливости. Это будет легко, потому что вы уже знаете факты, надобно только истолковать вам их нравственное значение. К дяде приезжает любовница племянника, — как принимают подобных женщин люди, справедливо негодующие на их разврат и проклинающие вредное их влияние на судьбу своих молодых родных? Но отец Агнесы Ростиславовны принимает мать Нади с великодушным гостеприимством — какая возвышенность души, не правда ли? — Вместо вражды, — любовь; вместо побоев камнями — кусок хлеба, и не только кусок хлеба, все удобства жизни, почти до роскоши. Мало того: чтобы бедная преступница могла забыть гнусность своего разврата, запрещается говорить о том, кто она. Многие догадываются, но все молчат, соблюдая великодушную волю господина. Она умирает, к нравственному счастью своей малютки дочери, которая спасена тем от ее губительного влияния, — и господин, видя в том перст провидения, с мужественным благородством вводит своих домочадцев на стезю нового великодушия, тем указываемую. Малютка не будет знать о своем

позорном происхождении, от юной души будет скрыт всеобщим молчанием стыд ее матери! — Умирает великодушный хранитель первых лет Нади, власть переходит к молодой и нежной женщине, — что же? — о, конечно, она уступит стыдливому возмущению своего скромного сердца. Те зрелища, которые переносит старец, привыкший видеть порочность людей, наполняют невыносимым негодованием душу юную, деликатную и чистую. Но и Агнеса Ростиславовна твердою стопною идет по стезе отца! И у нее, слабой женщины, достает силы молчать и ласкать, подавляя все свои справедливейшие чувства стыдливого отвращения от порока и порочных воспоминаний, которых символом служит Надя. Откуда эта сила сердца, великодушного до высоты, едва постижимой? Откуда? От ангельской природы этого воплощенного милосердия! О, боже! Как велика милость твоя к нам, что ты даешь нам на земле предвкушать сладость общежития с существами небесными! *(В промежутках самых возвышенных терминов сморкается.)* О, милый друг, Платон Алексеич! Слезы текут из глаз моих, и я, не видя лица твоего сквозь туман их потоков, знаю: также плачешь от умиления и ты! Блаженны плачущие такими слеза... *(Начинает реветь, закрываясь платком.)*

ЯВЛЕНИЕ 18

Те же, Агнеса Ростиславовна и Городищев.

(Идут. Она, опираясь на его руку, и с нежным восхищением смотрит на кончик указательного пальца другой его руки, — все пальцы этой (левой) его руки сложены, торчит прямо один указательный, который держится вверх недалеко от носа Агнесы Ростиславовны, и сам Городищев смотрит на этот кончик своего пальца).

Агнеса Ростиславовна *(смотря на кончик указательного пальца левой руки Городищева, умильно)*. Козявочка, козявочка.

Городищев *(смотрит на тот же пункт недалеко от носа Агнесы Ростиславовны, сладко говорит нараспев)*.

Скоморох, скоморох,
Полети на горох!

(с тихою радостью, прозой). Полетел.

Агнеса Ростиславовна *(с томным восторгом)*. Полетел, полетел! *(Между тем подходят к дивану, Агнеса Ростиславовна возлегает на него.)*

Агнеса Ростиславовна *(томно)*. Устала.

ЯВЛЕНИЕ 21

Агнеса Ростиславовна, Городищев, Иннокентиев, Клементьев.

Агнеса Ростиславовна *(томно раскрывая глаза)*. Клементьев, я рада снова видеть вас *(раздвигает руки так, что*

они ложатся вытянутые каждая по своей ноге, и немного приподнимает кисть той руки, к которой ближе приложится Клементьеву).

(Городищев истолковывает Клементьеву этот жест глазами, а Иннокентиев подталкивает Клементьева, чтобы шел приложиться. Шепчет — Что же вы, идите).

Агнеса Ростиславовна (шевелит приподнимаемой кистью).

Городищев (будто шепчет Клементьеву, но чтобы слышала Агнеса Ростиславовна). Вы слишком робок; подойдите к Агнесе Ростиславовне.

Агнеса Ростиславовна. Не бойтесь меня (приподнимает руку, — Городищев подводит Клементьева, тот по необходимости не делает скандала, подходит и целует).

Агнеса Ростиславовна. Вы давно... Андрей Деметрич, вы скажите ему мои мысли.

Городищев. Вы странствовали очень долго, Платон Алексич; вы слишком долго зажились на чужбине.

Клементьев. Раньше не мог вернуться. Заехал далеко, а денег у меня не было; да и хотелось побольше присмотреться, как живут люди там, где лучше, нежели у нас.

Городищев (торопливо дополняет). Климат и фрукты, в особенности же птички: райские птицы, попугаи, колибри.

Агнеса Ростиславовна. Милые птички. Где?

Городищев. Агнеса Ростиславовна чрезвычайно любит попугаев, — и действительно ничто не может сравниться с прелестью и яркостью перьев, которыми украшены эти милые существа, — ничто, кроме лица, озаренного светом гуманной мысли.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищев. Выразив свое сочувствие к этим невинным и прекрасным существам, Агнеса Ростиславовна желала также знать, где именно провели вы эти годы, Платон Алексич.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Клементьев. Больше всего я жил в Новой Англии и в западных штатах.

Агнеса Ростиславовна. Это.

Городищев. Агнеса Ростиславовна хочет сказать, что это в Северной Америке, и что она любит северо-американцев.

Агнеса Ростиславовна. Почему?

Городищев. Агнеса Ростиславовна желает знать, почему же именно вы больше всего жили там (Агнеса Ростиславовна поводит носом) и просит вас присесть, Платон Алексич.

Агнеса Ростиславовна. Да. (Все садятся.)

Клементьев. Я сказал, почему: было интересно получше узнать то общество, кроме того у меня не было денег, а там нуждаются в работниках и хорошо платят им.

Агнеса Ростиславовна. Да; но...

Городищев. Агнеса Ростиславовна справедливо замечает, что однакоже нигде так не уважается и не награждается труд, как у нас (молчание).

Клементьев. Я приехал сюда по делу, которое очень важно для меня, и хочу обратиться к вам, Агнеса Ростиславовна, с просьбой...

Агнеса Ростиславовна. После; я очень утомлена; после; Андрей Дементыч передаст мне; сделаю для вас все. Андрей Дементыч, Надю.

Городищев (бежит, кричит). Наденька (входит Надя).

Я В Л Е Н И Е 22

Т е ж е, Н а д я.

Агнеса Ростиславовна. Брильянты. Показать. (Надя хочет идти, но останавливается выслушать Городищева.)

Городищев. Вы поняли, милая Наденька? Агнеса Ростиславовна приказывает вам принести ее брильянты. Агнеса Ростиславовна желает показать их Платону Алексеичу Клементьеву.

Надя. Понимаю. (Уходит, возвращается с коробочками.)

Городищев. Платон Алексеич, подойдите поближе к Агнесе Ростиславовне смотреть брильянты. (Агнеса Ростиславовна привстает, сама смотреть и показывать. У ее ног группа из Нади, которая вынимает для нее вещишки из коробочек, Клементьева и Иннокентиева. Иннокентиев с умилением восклицает по временам: «Прекрасно!» — «Великолепно!» Агнеса Ростиславовна томно: «Вот» — и отвечая Иннокентьеву: «Да». Городищев между тем трет лоб, садится и пишет.)

Городищев (отводит Иннокентиева в сторону, и подавая бумажку, шопотом). Будьте добр, Сидор Иваныч, найдите Семку, отдайте. Мотивы приишет сам. Петь под окном.

Иннокентиев. Хорошо (уходит и потом возвращается).

Агнеса Ростиславовна. Скучно. Блеск (томно отводит рукою брильянты. Надя закрывает коробочки и хочет уйти).

Городищев. Агнеса Ростиславовна хочет сказать, что суетный блеск перестал занимать ее.

Клементьев. Агнеса Ростиславовна, позвольте мне просить вас выслушать...

Агнеса Ростиславовна. Устала.

Городищев. Наденька, Агнеса Ростиславовна приказывает вам принести ликерные конфекты, которые подкрепят ее. (Надя идет. В это время, под окном, — песня.)

Песня рыбака

(поет Семка под окном).

Тихим плеском светлых вод	}	Andante piano
Всколыхалась река.		
Переливы дивных нот	}	Scherzando
Нежат сердце рыбака:		
Рыбка рыбку шевелит,	}	Scherzando
Рыбка рыбку говорит:		
Бед промчались облака:	}	Allegro
Благотворная рука		
Накормила нас.		
Радость наша велика;		
Превращается река		
В танцевальный класс.		

При первых звуках, Агнеса Ростиславовна оживляется и мгновенно впадает в сладостное томление, опускаясь на подушки мордочку вверх, задирая нос и закрывая глаза. — Иннокентиев тихо разводит руками и покачивается в такт. Он как и всегда в искреннейшем восторге. — Городищев, пока Агнеса Ростиславовна не видит, пожимает плечами, делая Клементьеву мины, говорящие: «Видите, какова моя жизнь!» — а когда в конце пения Агнеса Ростиславовна открывает глаза, у него уже готов платок и он утирает слезы умиления.

Агнеса Ростиславовна (*возвращаясь к жизни*).
Мило, мило. Где он? Иду.

Городищев (*подбегая к окну*). Добрый рыбак, не уходи.
Ты будешь награжден за твою простодушную песенку.

Агнеса Ростиславовна (*встает при помощи Городищева и уходит, опираясь на его руку. Иннокентиев уходит за ними*).

ЯВЛЕНИЕ 23

Клементьев, Надя.

Надя. Если вы скажете Агнесе Ростиславовне, — я уйду, — я убегу, — я брошусь в реку. Мне житья не будет. Агнеса Ростиславовна будет гневаться. Все они будут есть меня. Лучше, утопиться: не говорите, утоплюсь.

Клементьев. Надежда Всеволодовна, да если б она и стала сердиться, можно избежать беды иначе: уйдете от нее не в реку, а вместе со мною венчаться.

Надя (*образумляясь*). В самом деле я говорю как сумасшедшая. Но я не поступлю против ее воли. Она моя благодетельница и я люблю ее. Не могу быть неблагодарной. Не могу покинуть ее. Я необходима для нее.

Клементьев. Она согласится на нашу свадьбу, вы увидите.

Надя. Нет. Молчите, умоляю вас. Я не должна, не могу покинуть ее. А она не будет добра ко мне попрежнему, когда будет думать, что я хотела быть такою неблагодарной...

ЯВЛЕНИЕ 24

Те же. Входит Городищев.

Городищев. Что за шельма этот подлец Семка! Уверяет, что в самом деле рыбки в реке плавают веселее прежнего. Выманил у нее пять рублей, совсем заговорил ее, отпустила меня. Хоть на минуту можно подумать о чем-нибудь дельном. В чем же ваша просьба к ней, Клементьев?

Клементьев. Я люблю Наденьку (она хочет уйти, он удерживает ее). Она не пойдет за меня без согласия Агнесы Ростиславовны, помогите мне упросить Агнесу Ростиславовну.

Городищев. Вы хотите жениться на Наденьке? — горничной, — нищей? (Один миг стоит в изумлении. Потом горячо и искренно.) Но что же я! Наденька умная, благородная девушка. (Надя вырывается из руки Клементьева и убегает.) Я понимаю, что можно полюбить ее. Вы умный человек, Клементьев. Ваш выбор прекрасен. Добьюсь ее согласия на вашу свадьбу. Вы честный человек, я уважаю вас, ваше счастье будет радовать меня, — еще милее мне будет видеть счастье Наденьки. — потому что — вам известны мои отношения к Агнесе Ростиславовне, — я привык считать Наденьку почти за родню мне, — конечно вы знаете: она родственница Агнесы Ростиславовны. Верьте мне, я искренно люблю Наденьку.

Клементьев. Верю и благодарю вас. Я осуждаю вас за многое, Городищев...

Городищев. Как бы ни осуждали, не можете осуждать более горько, нежели я сам.

Клементьев. Но я вижу теперь, в глубине души вы все-таки добрый и благородный человек.

Городищев. Надеюсь, что так; и докажу вам это. Клементьев, если бы моя судьба была иная, — если бы моя молодость, — быть может, и моя слабость, — и красота этой женщины, и ее доброта, — потому что при всей своей пустоте и пошлости она очень добра, — если бы все это не увлекло меня, то и я, быть может, умел бы пройти путь жизни безукоризненно. Теперь, мне остается одно утешение, одно оправдание: я унижаюсь не без пользы для других, — и потому бесчестье мое, — если вы называете это угодничество бесчестным, — не лишено и прав на имя честной, — трудной, о, трудной! — но честной службы людям, судьба которых зависит от...

Входит Агнеса Ростиславовна, опираясь на руку Иннокентиева, и Городищев мгновенно обращается в лакея.

ЯВЛЕНИЕ 25

Те же, Иннокентиев, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна (*возлегая*). Мило... Мило... устала... благодарю вас, Андрей Дементьич, за этот милый сюрприз (*приподнимает руку, чтобы он приложился. Он прикладывается*).

Городищев. Если так, вы могли по крайней мере видеть, как искренно счастлив он мыслью, что его самородный и наивный талант мог доставить вам минуту удовольствия.

Агнеса Ростиславовна. Да. Добрый старичок. Искренно любит меня. Я счастлива любовью этих милых, бесхитростных детей природы.

Городищев. Обождать благодетельницу — и обязанность и в то же время самая сладкая радость осчастливливаемых вами.

Агнеса Ростиславовна. Да. (*Снова приподнимает руку. Он снова прикладывается.*)

Городищев. Вам предстоит выслушать признательность преданности еще более пылкой, — от человека, который нигде в целом свете, — ни в Европе, ни в Америке, не встречал такого нежного и благотворительного сердца.

Агнеса Ростиславовна. Да. Клементьев, я сделаю для вас все. Андрей Дементьевич, о чем он просит?

Клементьев. Я прошу вашего согласия на мою свадьбу с Надеждою Всеволодовною.

Агнеса Ростиславовна (*привставая. Быстро, здоровым голосом*). Как? Что? (*Ослабевает и падает.*) А-а-ах! (*Закрывает глаза и совершенно умирает.*)

Городищев и Иннокентиев (*в один голос*). Наденька! (*Городищев ухаживает за совершенно умершею, которая слабо стонет, как едва-едва живая. Вбегает Надя, Городищев уступает ей Агнесу Ростиславовну, а сам отводит Клементьева в сторону.*)

ЯВЛЕНИЕ 26

Те же, Надя.

Городищев (*торопливо, с упреком*). Клементьев, видите, что вы наделали! Вам казалось, что я не умею сказать за вас, как следует! Нетерпение, — непростительно, милостивый государь, вы не мальчик, должны бы понимать, как надобно обращаться с людьми. Так только медведи гнут дуги, как вы поступили, сударь. Непростительно, непростительно быть таким бестактным, — извините меня, глупцом.

Агнеса Ростиславовна (*открывая глаза*). Неблагодарная... отойди... от меня... (*умирает*).

Надя (*целует ее руки*). Агнеса Ростиславовна, простите меня (*падает на колени, плачет, целует руки*). Я не соглаша-

лась... Я сказала ему, что лучше утоплюсь, нежели огорчу вас...
Добрая Агнеса Ростиславовна, простите меня! (*Целует руки.*)

Агнеса Ростиславовна (*вздыхает, не открывая глаз, и отнимает у нее свои руки.*).

Надя (*не выпуская ее рук*). Простите... простите... простите...

Агнеса Ростиславовна (*совершенно умершим голосом*). Неблагодарная (*вырывает руку, по забывчивости о своем бессилии, с такою силою, что Надя, потеряв равновесие, ударяется головою о диван*).

Надя (*снова лова руки Агнесы Ростиславовны*). Простите меня... Агнеса Ростиславовна, простите меня.

Агнеса Ростиславовна (*с закрытыми глазами, отнимает свои руки, — и так как здоровенная баба, то каждый раз успевает вырвать*).

Городищев (*между тем несколько успокаиваясь*). Непростительно, Клементьев, извините, — вы глупец, каких мало. Впрочем это понятно. Искренняя любовь нерасчетлива, а минуты ожидания кажутся целыми годами, годами пытки. Идите в сад, оставьте меня одного с Агнесою Ростиславовною (*тихо*), может быть и удастся поправить вашу ошибку. Не ручаюсь. Дело плохо. Но может быть. — Сидор Иваныч, уведите его.

Иннокентиев. Платон Алексеич, пойдёмте же. Эх, право, что вы наделали (*уводит Клементьева*).

ЯВЛЕНИЕ 27

Агнеса Ростиславовна, Надя, Городищев.

Городищев (*отводит Надю от Агнесы Ростиславовны*). Прочь отсюда, неблагодарная, бесчувственная! Твой вид убивает Агнесу Ростиславовну. (*Уводит ее в дверь, во внутренние комнаты, в дверях шепчет ей.*) Не бойся, мой дружок, Наденька, поправлю все как-нибудь. Молись богу.

ЯВЛЕНИЕ 28

Агнеса Ростиславовна, Городищев.

Городищев (*подходит к Агнесе Ростиславовне, становится на колени*). Бедная страдальца! (*Агнеса Ростиславовна лежит умершая*). Любить людей, благодетельствовать им, жить только для счастья других — и вот награда за это! Бедная страдальца! (*Берет ее руку.*)

Агнеса Ростиславовна (*отдергивает руку, гневно*). Отойдите от меня! Не умели предупредить!

Городищев. Агнеса Ростиславовна, удар, поразивший вас, тяжёл; бог послал вам жестокое испытание.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищев. Она уже сознала перед вами свою вину. И вы слышали, что она не хотела этого. Она так любит вас, что жертвует для вас Клементьевым, жертвует с радостью, с восторгом. Ваша улыбка дороже для нее счастья всей жизни.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищев. Она сказала вам, что если вы отдадите ее Клементьеву, она утопится.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищев. Она добрая девушка, она хорошо понимает свои обязанности к вам и хочет остаться верна им, хотя бы это стоило ей жизни.

Агнеса Ростиславовна (*постепенно оживавшая, впадает в сентиментальность*). Она любит меня; она хорошая девушка; я награжу ее. Я сделаю ее счастливою. Позовите этого человека.

Городищев. Великодушная, милосердная! Вы делаете счастливыми их, — а я, преступный, — я не должен роптать, — ваш гнев заслужен мною.

Агнеса Ростиславовна. Я прощаю (*приподымает руку. Он прикладывается*). Милый, вы плачете?

Городищев. Нет.

Агнеса Ростиславовна. Ваши слезы упали на мою руку.

Городищев. Неужели? Я старался удерживать их.

Агнеса Ростиславовна. Милый, вы любите меня. Поцелуйте меня (*он прикладывается к ее губам*). Милый, напишите мои мысли, я прочту ему. Она остается моею горничною. Я скажу ей сама.

Городищев. Остается вашею горничною? Но, Агнеса Ростиславовна, согласится ли он, и удобно ли будет для нее?

Агнеса Ростиславовна (*молча смотрит на него*).

Городищев (*отчасти оробев*). Агнеса Ростиславовна, я думал всего больше о вашем удобстве. Замужняя горничная не может безраздельно отдавать все свои мысли на службу своей госпожи, потому.

Агнеса Ростиславовна. Милый, вы не любите меня.

Городищев. Простите меня, Агнеса Ростиславовна, я согласен, что мои замечания были неосновательны и неуместны.

Агнеса Ростиславовна. Да. Напишите же мои мысли.

Городищев (*садится и пишет. Подает ей*).

Агнеса Ростиславовна (*читает*). Да. Теперь позовите этого человека. (*Городищев уходит. Она прикладывает платок к глазам.*)

ЯВЛЕНИЕ 29

Агнеса Ростиславовна, Городищев, Клементьев.

Агнеса Ростиславовна. Я плакала. Слезы мешают мне говорить. Андрей Дементьевич, прочтите Клементьеву (подает бумажку Городищеву).

Городищев (читает). «Вы огорчили меня, Клементьев. Но я люблю мою Надю и не могу помнить зла. — Я не могу жить без нее, и она не соглашается расстаться со мною. Я позволяю ей выйти за вас и оставляю ее при себе. Вы едва не убили меня. Вы не знаете женского сердца. Вы могли бы убить ее таким обращением. Я должна сама приготовить ее к перемене ее судьбы. Прошу вас не мешать мне в этом. Ваше присутствие было бы излишним и могло бы быть вредным и для вас самого и в особенности для Наденьки. Вы будете приглашен принять ее из моих рук, когда она будет приготовлена мною отдать вам свое сердце».

Агнеса Ростиславовна (наклоняет голову в знак того, что это ее мысли и приподымает свободную руку, не отнимая платка от глаз).

Клементьев (стоит озадаченный). Как? она должна остаться вашей горничною?

Городищев (шопотом). Не спорьте. Лишь бы повенчаться; тогда увидим, как лучше.

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьевич, подойдите ко мне. Вы что-то шептали ему. Что? (Городищев идет, бросив на Клементьева взгляд, говорящий: не выдавай же меня этой дуре.)

Клементьев. Я вполне согласен, чтобы моя жена оставалась вашей горничною, пока будет находить это удобным для себя, и благодарю вас за согласие на нашу свадьбу. (Городищев делает ему знак, чтобы он приложился. Он подходит, прикладывается.)

Городищев. Теперь вы должны удалиться, Клементьев. Мы пригласим вас, когда Надя будет приготовлена видеть вас.

Клементьев (отошедший на свое место). Когда же?

Городищев. Агнеса Ростиславовна расстроена теперь, и должна отдохнуть прежде нежели возьмет на себя трудное дело объявить Наденьке о перемене ее судьбы. Я думаю, что мы не можем пригласить вас раньше, нежели как часа через два. Вы пока погуляете с Сидором Иванычем по саду.

Агнеса Ростиславовна. Через два дня. Вы будете ждать в одном из соседних городов.

Клементьев. Два дня! Целых два дня! Для чего же такой долгий срок?

Агнеса Ростиславовна. Так необходимо.

Клементьев (хочет возразить, но Городищев зажимает ему рот).

Городищев. Не спорьте. (*Шепчет.*) Как тут спорить из-за каких-нибудь двух дней? Вы видите, какова эта дура. (*Громко.*) Два дня, это самый короткий срок. Меньше, невозможно, Клементьев. Где же вы будете жить, чтобы знать, куда прислать за вами?

Клементьев. Но...

Городищев (*зажимая ему рот*). Не будьте же безумцем. Вы опять испортите все. Опять огорчите Агнесу Ростиславовну.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Клементьев. Хорошо, согласен на все. Буду жить на соседней станции.

Городищев. Агнеса Ростиславовна так добра, что соглашается на это.

Агнеса Ростиславовна. Нет.

Городищев. Он будет жить в Москве. (*Шепчет.*) Бог с нею, наговорим ей даже больше, чем ей вошло в голову, лишь бы опять не стала корячиться. Живите, где хотите, лишь бы не на глазах у ней.

Агнеса Ростиславовна. Что вы шепчете?

Городищев. Клементьев, скажите, что я шептал вам.

Клементьев. Вы требуете, чтобы я жил в Серпухове. Андрей Дементьевич растолковал мне, что я слишком много обязан вам, и должен делать не только все, чего вы требуете, а даже больше. Я уеду дальше Серпухова, в Москву.

Агнеса Ростиславовна (*взглядывая на Городищева*). Милый. (*Приподымает руку. Он прикладываетя. Она Клементьеву.*) И вы милый. (*Приподымает руку. И он прикладываетя и отходит.*)

Городищев. Агнеса Ростиславовна утомлена и просит вас дать ей отдохнуть. (*Шепчет.*) Уходите поскорее, пока она не выдумала еще чего-нибудь.

Агнеса Ростиславовна. Что вы шепчете?

Клементьев. Он спрашивал меня, какие у меня средства к жизни. Никаких.

Агнеса Ростиславовна. Я пристрою вас. Я найду вам место в моем штате. До свидания.

Он раскланивается и уходит.

ЯВЛЕНИЕ 30

Агнеса Ростиславовна, Городищев.

Агнеса Ростиславовна. Она останется горничною, он может помогать Румянцеву переписывать бумаги, не правда ли?

Городищев. Может.

Агнеса Ростиславовна. Слава богу, что все это устроилось так хорошо. А я так боялась. Милый, поцелуйте меня. (*Он прикладываетя.*) Я очень довольна вами. Я так боялась,

Мысль о том, что Надя может полюбить кого-нибудь, постоянно мучила меня. Что, если бы понравился ей какой-нибудь интриган? Ужасно и подумать! Но слава богу, что все устраивается так хорошо. Теперь я навсегда безопасна.. Милый, поцелуйте меня еще (*он опять прикладывается*).

Городищев. Вы слишком робка, Агнеса Ростиславовна, и слишком нежно привязываетесь к тому, кого любите. Пусть бы она и отошла от вас, — разве нельзя найти другой горничной? При вашем богатстве, при ангельской, неодолимо привлекательной вашей доброте, всякая горничная будет обожать вас. Когда вы привыкнете к мысли о разлуке с Наденькою, то быть может...

Агнеса Ростиславовна. Ах, нет... Если она выйдет из-под моего влияния... Но теперь этого не будет. Он смирен и глуп...

Городищев (*берется за лоб. Серьезно*). Агнеса Ростиславовна, мы одни. Позвольте мне просить вас быть серьезною. Неужели то, что я слышал, правда?

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьич, вы забываетесь. Я не потерплю таких вопросов.

Городищев (*берет и целует ее руку*). Агнеса Ростиславовна, дело слишком важно. Моя искренняя любовь к вам обязывает меня узнать истину.

Агнеса Ростиславовна. Я не хочу отвечать на дерзкие вопросы. Вы забываетесь, Андрей Дементьич.

Городищев. Клянусь вам честью, я отдал бы половину моей жизни, чтобы услышать от вас, что вам нечего опасаться.

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьевич, вы слишком дерзок. Я могу найти другого управляющего. Прошу вас оставить меня в покое. (*Он стоит.*) Вам говорят: идите вон. Я поищу себе другого управляющего. Идите вон. (*Он стоит ошеломленный.*) Идите вон. (*Умирает.*)

Городищев (*Стоит. Берется за лоб.*) Агнеса Ростиславовна, моя любовь к вам...

Агнеса Ростиславовна (*раскрывает глаза*). Вон, дерзкий нищий! (*Умирает.*)

Городищев (*становится на колени. Берет ее руку*).

Агнеса Ростиславовна. Прочь! Вон! Или я велю вытолкать вас. (*Умирает.*)

Городищев (*стоит на коленях. Смотрит. Встает. Стоит. Делает шаг, чтоб уйти. Стоит. Глубоко вздохнув, идет вон, медленно, с убитым видом*).

Агнеса Ростиславовна (*вскакивает, бежит, бросается ему на шею с воплем*). Милый, спаси меня! Я погибла! Я выйду замуж за тебя, — будь моим мужем, моим господином, только спаси меня!

Городищев (*сажает ее. Сам стоит, сложив руки на груди*). Агнеса Ростиславовна, не в первый раз вы так жестоко оскор-

бляете меня, и все еще не верите искренности моей любви к вам. О, какая любовь нужна, чтобы столько раз перенести такие обиды. Но пора определить наши отношения. Вы дадите честное слово повенчаться со мною?

Агнеса Ростиславовна. Даю, Андрей Дементьич.

Городищев. Благодарю тебя, Агнеса. У тебя несносный характер, но я не могу разлюбить тебя. *(Целует ее. Она осыпает его поцелуями. Он отрывается от нее.)* Довольно, Агнеса. Нам надобно собраться с мыслями. Нельзя терять времени. Наше положение слишком опасно. Ее мать была законная жена Всеволода Серпухова?

Агнеса Ростиславовна. Да, Андре.

Городищев. Правда ли также и то, что твой отец уморил ее мать голодом, чтобы уничтожить свидетельство о их свадьбе?

Агнеса Ростиславовна. Я невинна в этом, Андре. Мне было тогда только шесть или семь лет. Я не знаю этого.

Городищев. Впрочем, это и все равно. Судить за то теперь некого. Убийца, слава богу, давно умер. Я думаю, что тебе нечего бояться. Он был опытный злодей, и вероятно позаботился разыскать всякие другие документы, которыми можно бы доказать их брак, — купил, украл эти документы, уничтожил их и нет доказательств, чтобы отнять у тебя наследство Всеволода Серпухова. *(Молчание.)*

Агнеса Ростиславовна. Я невинна в этом, Андре.

Городищев. Ты невинна. Ты получила наследство после отца, по закону, с чистой совестью.

Агнеса Ростиславовна. Я дам ей хорошее приданое, Андре.

Городищев. Конечно, Агнеса. *(Молчание.)*

Агнеса Ростиславовна. Андре, ты говоришь: доказательств не осталось, и мне нечего бояться?

Городищев. Нечего, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Говори правду, Андре. Не опасайся за мое здоровье. Я могу выслушать правду.

Городищев. Я не опасюсь за твое здоровье. Я знаю, что оно крепко. Я говорю тебе правду. Тебе нечего бояться.

Агнеса Ростиславовна. Поклянись, Андре, что ты не обманываешь меня.

Городищев. Клянусь, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Благодарю тебя, Андре. Ты успокоил меня. Ах, я измучена этими волнениями. Мне надобно отдохнуть *(ложится и закрывает глаза. Молчание.)*

Городищев. Я думаю, Агнеса, что вернее всего будет откровенно поговорить с Клементьевым. Невозможно быть вполне уверенным, что уничтожены все документы. Кто ж может знать, сколько их было? Лучше, обезопасим себя. Он женится на Наде не для денег. Он не жаден. Он удовольствуется половиною твоего

богатства, а у тебя столько, что нам довольно будет и остальной половины. Надя добрая девушка, тоже не жадная. И она согласится на то, что скажет он. Напишем акт, по которому она уступает тебе половину, — это будет честно и законно. Тогда мы с тобой и вполне безопасны, все назовут нас благородными людьми. Как ты думаешь об этом, Агнеса?

Агнеса Ростиславовна *(не открывая глаз)*. Я не понимаю этих слов.

Городищев. Я говорю, Агнеса: призовем Клементьева, скажем ему все.

Агнеса Ростиславовна. Я не желаю продолжать этого разговора, я устала, Андрей Дементьич.

Городищев. Но, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Прошу вас не забываться, Андрей Дементьич. Помните, кто я, и кто вы. Я люблю вас, но моя честь дороже всего для меня. Вы не можете унижить меня до того, чтобы я была вашей служанкою.

Городищев. Но...

Агнеса Ростиславовна *(приподымается и смотрит на него)*. Прошу вас молчать или итти вон. Я слабая женщина. Вы запугали меня. Но теперь я знаю, что мне нечего бояться. Обманом вы, Андрей Дементьич, выманили у меня обещание унизиться до брака с вами. Но я беру свое слово назад, потому что было бы бесчестно оставаться обманутою. Я могла бы, я была бы должна наказать вас за обман, — удалить от себя. Но я имею слабость любить вас. Я забываю все, — прощаю вам все и забываю *(опускается и закрывает глаза)*.

Городищев. Но...

Агнеса Ростиславовна. Я не стесняю вас: можете собрать ваши вещи и уехать. Но я люблю вас, и просила бы вас остаться, если вы также любите меня. *(Молчание.)* Вы уезжаете, или остаетесь?

Городищев *(молчит)*.

Агнеса Ростиславовна. Вам не угодно отвечать? Вы уезжаете?

Городищев. Я остаюсь, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна. Я очень рада, потому что я люблю вас. *(Возвращаясь к своей нежности, томно.)* Милый, поцелуйте меня *(не раскрывая глаз, подставляет морду. Он прикладывается. Молчание)*.

Агнеса Ростиславовна. Милый, позовите Надю.

Городищев. Агнеса Ростиславовна, о чем вы хотите говорить с нею?

Агнеса Ростиславовна. Я знаю, что делаю, мой милый. Прошу вас, позовите Надю. Также Румянцеву. Этот Клементьев кажется мне подозрителен. Вероятно, он пронюхал и хочет воспользоваться.

Городищев. Агнеса Ростиславовна, умоляю вас...

Агнеса Ростиславовна (*строго*). Продолжайте. Вы умнее меня.

Городищев (*становится на колени*). Агнеса Ростиславовна, вы погубите себя. Вы заставите Клементьева...

Агнеса Ростиславовна. Я столько же боюсь вашего Клементьева, сколько нуждаюсь в вас. Идите из этой комнаты и — приведите Надю и Румянцева, или... можете не возвращаться. (*Закрывает глаза.*)

Городищев. Агнеса Ростиславовна... (*Она сжимает зубы.*) Агнеса Ростиславовна...

Агнеса Ростиславовна (*не раскрывая глаз*). Я сказала.

Городищев (*стоит несколько времени, вздыхает и идет*).

Агнеса Ростиславовна. Я забыла. Прежде напишите бумагу, чтобы она подписала.

Городищев. Агнеса Ростиславовна, это было бы напрасно. Для подобных обстоятельств, нельзя написать такой бумаги, которая имела бы юридическую силу. Лучше откровенно отдайте ей все, и тогда наверное она подарит вам половину, даже больше.

Агнеса Ростиславовна (*молчит, не раскрывая глаз*).

Городищев (*ждет. Садится. Пишет. Встает. Идет с бумагой к Агнесе Ростиславовне*). Не буду утомлять вас лишними фразами, которых требует формалистика. Вот существенные слова: «Передаю Агнесе Ростиславовне Карелиной, урожденной Серпуховой, всякие права на наследство от Серпуховых, какое доставалось бы мне».

Агнеса Ростиславовна (*берет бумагу*).

Городищев. Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна (*закрывает глаза и легким мановением указывает ему: иди. Он вздыхает и идет*).

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьич, я забыла самое главное. Где Клементьев? Надобно удалить его. (*Городищев уходит и возвращается с Надею.*)

ЯВЛЕНИЕ 31

Агнеса Ростиславовна, Городищев, Надя, потом Румянцев.

Агнеса Ростиславовна. Надя, ты показала себя благодарной. Но я люблю тебя, и награжу. Андрей Дементьич, объясните ей мои мысли.

Городищев. Милая Наденька, ты любишь Платона Алексеича Клементьева, и колебалась итти за него только потому, что не была уверена в согласии Агнесы Ростиславовны и не хотела покинуть ее службу. Можно примирить все интересы. Они уже и примирены великодушием Агнесы Ростиславовны. Она удерживает

тебя на приятной и выгодной для тебя должности ее горничной и из любви к тебе принимает в свою службу Платона Алексеича Клементьева, с которым ты сейчас поедешь венчаться. У тебя нет ничего и он беден. Агнеса Ростиславовна обеспечивает судьбу вашу и ваших будущих детей, давая тебе хорошее приданое.

Агнеса Ростиславовна. Пять тысяч (*приподымает руку*).

Надя (*целует руку ее*). Как я счастлива, что вы согласны, Агнеса Ростиславовна (*плачет*).

Агнеса Ростиславовна. Я люблю тебя, моя милая, и всегда буду награждать вас с мужем. (*Входит Румянцев.*)

Городищев. Ты знаешь, милая Наденька, что перед свадьбою жених и невеста подписывают бумагу, в которой объявляют, что согласны венчаться и тому подобное. Мы через пять минут едем в церковь. Подпиши... (*Кладет на стол бумагу. Надя, утерев слезы, подписывает, целует руку Агнесы Ростиславовны, Агнеса Ростиславовна подставляет ей морду.*)

Агнеса Ростиславовна. Поцелуй меня, Надя. (*Надя целует.*)

Городищев. Иди и молись богу, я приду за тобою ехать в церковь. (*Надя уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 32

Агнеса Ростиславовна, Городищев, Румянцев.

Городищев. Где же Клементьев?

Румянцев. Там за речкою, в избе, где живет Сидор Иванович.

Городищев. Вы сам видели?

Румянцев. Сам-с.

Городищев. Что они делают?

Румянцев. Говорят; должно быть, об учености-с.

Агнеса Ростиславовна. Это далеко, не услышит.

Городищев (*подходит к окну*). Я буду смотреть. Увижу его, выйду и уведу. (*Продолжает стоять лицом к окну.*) Я замечал, Румянцев, что Надя очень нравится вам.

Румянцев. Нет-с, Андрей Дементьич.

Городищев. Не может быть!

Румянцев. Ей-богу-с, Андрей Дементьич.

Городищев. Врете.

Румянцев. Разрази меня господь бог на этом самом месте, ежели вру.

Городищев. Да если так, вы чорт знает что, а не мужчина.

Румянцев. Против этого не смею спорить, Андрей Дементьич, но только вот как бог свят, вы напрасно подозреваете меня, лопни мои глаза и утроба.

Городищев. Но как же она может не нравиться вам? У вас есть глаза?

Румянцев. Есть, Андрей Дементьич.

Городищев. Она очень хороша собою, — вы видите это, или нет?

Румянцев. Нет-с, я к таким мыслям не причастен, Андрей Дементьич, в тар-тарары провалиться мне, если причастен, как перед истинным моим богом.

Городищев. Да как же это, чорт вас подери?

Румянцев. Потому, Андрей Дементьич, что я не поощряю себя к этому, чтобы заниматься девицами. Потому что девица, вместо удовольствия, может отлупить меня по щекам, — согласитесь, Андрей Дементьич, какая же тут приятность?

Городищев. Не видывал такого дурака.

Румянцев. Это как вам угодно, Андрей Дементьич.

Городищев. Вижу, не столкнешься с вами добром. Вы должны жениться.

Румянцев. Помилуйте, Андрей Дементьич, за что же вы так поступаете со мною? Жена, это не в пример хуже даже девицы. Девица отшлепала по щекам и прощай, по крайней мере, а у жены я весь век под руками, за что же такое наказание?

Городищев. Не в наказание вам, дураку, а в милость. Вы женитесь, — слышите?

Румянцев. Никогда-с.

Городищев. Ныне же. Теперь же. Сейчас едем в церковь.

Румянцев. Помилуйте, Андрей Дементьич.

Городищев. Нельзя, Румянцев. Так приказывает Агнеса Ростиславовна. Понимаете?

Румянцев. Понимаю, Андрей Дементьич.

Городищев. Идите, благодарите Агнесу Ростиславовну.

Румянцев (*прикладывается к руке*).

Городищев. Агнеса Ростиславовна дает за невестою пять тысяч рублей. Вы должны быть благодарен.

Румянцев. Помилуйте, Андрей Дементьич, это даже выше моих заслуг.

Городищев (*садится. Пишет. Дает Румянцеву*). Ступайте в сарай, — там запрягают для вас беговые дрожки. Как запрягут, — да помогите и сам, чтобы поскорее, — как запрягут, вальйте во весь карьер в Серпухов к отцу Петру, — знаете?

Румянцев. Как же-с, Усекновения главы Иоанна Предтечи поп-с.

Городищев. Отдайте ему эту записку, и он пойдет с вами в церковь. Я с невестою приеду через четверть часа.

Румянцев. Очень хорошо-с (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ 33

Агнеса Ростиславовна, Городищев.

Агнеса Ростиславовна. Что вы написали, милый?

Городищев. Попу двести рублей. Если и много, вы простите! Для его усердия, вернее дать побольше.

Агнеса Ростиславовна. Нет, немного, милый. Только надежный ли поп?

Городищев. Помируйте, Агнеса Ростиславовна, — за пятьдесят целковых готов на веревке вести около наоя.

Агнеса Ростиславовна. Дайте шкатулку, милый. *(Городищев приносит шкатулку, она вынимает ключик, отпирает.)* Вот двести рублей. *(Дает ему деньги, он берет.)* А вот вам, милый, в награду пятьсот *(опять дает)*.

Городищев *(отклоняет руку)*. Не нужно, Агнеса Ростиславовна. После, если вздумаете. Не такое время, чтобы думать о своей выгоде. Дай бог только, чтобы вышло все в пользу, а не в беду вам.

Агнеса Ростиславовна *(запирает, отдает шкатулку. Он ставит на место)*. Милый, поцелуйте меня. *(Он прикладывается.)* Милый, зовите Надю. Ступайте с нею. Поскорее.

Городищев. Надобно погодить минут пять, чтобы жених был уже в церкви, когда мы приедем. Раньше увидит его — в ограде или на крыльце, он дурак сейчас ляпнет, что он жених, она заартачится. Делать скандал на улице — неловко.

Агнеса Ростиславовна. Правда, милый. В церкви лучше. Милый, поцелуйте меня.

Городищев *(прикладывается и идет смотреть в окно)*. Что это, Сидор Иваныч идет сюда, запыхался, — уже перешел речку. Не было бы какой беды. Надя! Будьте готова. Сейчас едем *(берет шляпу)*.

Надя *(за сценою)*. Я готова, Андрей Дементыч *(выходит)*.

ЯВЛЕНИЕ 34

Агнеса Ростиславовна, Городищев, Надя.

Агнеса Ростиславовна. Милая моя Надя, стань на колени. Я благословляю тебя.

Городищев *(берет Надю под руку)*. Некогда, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна. Вы слишком любите противоречить мне во всем. Надя, сюда. Без этого нельзя, Андрей Дементыч. Помогите мне встать. *(Он помогает ей встать. Надя становится на колени. Агнеса Ростиславовна подымает руки.)* Будь доброю женою, как была и как останешься доброю служанкою. Благословляю... *(В это время за сценою голос Инно-*

кентиева, от которого раззевается рот и вытупливаются глаза у Агнесы Ростиславовны.)

Иннокентиев (за сценою, кричит запыхавшись). Вот подлец-то, Клементьев-то! Не хочет жениться! Не родня, то и плевать на нее! Хорошо так бесчестить девушку?

Надя с слабым стоном опускается головою на пол. Городищев подбегает от окна, у которого слушал, подымает ее и сажает.

Агнеса Ростиславовна (оставаясь с руками распротертыми над пустым местом и с вытупленными глазами). Милый, как же теперь повезете ее в церковь?

Городищев (усадив и продолжая поддерживать Надю). Погодите, выслушаем, что такое. Кажется, теперь вам не будет и забот об этом. Если Клементьев убедился, то верно есть доказательства, что мы ошибались. Тогда убедится и она, что не родня вам.

Агнеса Ростиславовна (постепенно опускавшая руки, но продолжая стоять). Но как же это возможно, милый, когда мы знали?

Городищев. Знали, но, как видно не все. Как возможно? Мало ли что бывает при подобных неправильных отношениях, когда дворяне связываются с мещанками? Разве нельзя начать жить с мужчиною, будучи уже беременною от другого? И разве не может это быть доказано? Тогда и не его дочь. (В это время входит Иннокентиев, но как ни велико его стремление высказаться, молчит и ждет, не смея перебить Городищева и потом Агнесу Ростиславовну.)

Агнеса Ростиславовна (возлегает). Милый, вы успокоили меня.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Иннокентиев.

Городищев. Рассказывайте, Сидор Иванович, что такое?

Иннокентиев. Я вам по порядку.

Городищев. Хоть и без порядка, только поскорее к делу.

Иннокентиев. Нет, так нельзя. Надобно все в порядке. Ходит он по саду. Я иду, вижу, он задумчивый. Подхожу. Что задумались?

Городищев. Да короче.

Иннокентиев. Как же можно еще-то короче? — Что задумались? А вот, говорит, думаю, что ее мать не была его любовницею. Я: как так? Он: а до этого вам нет дела. Я: а если не была, тогда что? Он: что хотите. Я: тогда она не родня Агнесе Ростиславовне? Он: ну, не родня, пожалуй. Я: тогда что? Он: тогда ничего. Я: как ничего? Он: так. Я: что ж это значит, тогда вы и не женитесь. Он молчит. Я: нехорошо обесславить девушку, сделали предложение, то и должны жениться.

Он: отвяжитесь вы, пожалуйста, не мешайте мне думать. Я вижу, дело плохо. Идите, говорю, я докажу вам. Помилуйте, как допустить обесславить девушку из пустого сомнения?

Городищев. Пожалуйста, короче, без размышлений. Как же вы думали доказать ему, что мать Нади была любовницей Всеволода Серпухова?

Инокентиев. А вот как: когда ее мать жила у нас, я иду мимо окна той комнаты, — ее мать в окне, бросает мне в окно пакетик; я поднял, — бумага, обернута бумагою, — конверта, видно, не было, завязана ниточкою, — сургуча, видно, не было...

Городищев. Короче пожалуйста.

Инокентиев. Хорошо. Поднял. Надпись карандашом: моему ребенку, — то есть, ее ребенку.

Городищев. Понятно, не вашему. И вы не показали отцу Агнесы Ростиславовны?

Инокентиев. Значит, секрет. Чужая тайна. Я не шпион, Андрей Дементьич.

Городищев. И не отдали Наде, когда она подросла?

Инокентиев. Отец Агнесы Ростиславовны и потом Агнеса Ростиславовна желали по своему великодушию и деликат...

Городищев. Короче, прошу вас.

Инокентиев. Не желали, чтобы девочка мучилась бесчестьем своей матери, — я понимал благородство этого, и не хотел позорить мать перед дочерью.

Городищев. Да выходит не то, когда Надя не родня Агнесе Ростиславовне.

Инокентиев. Да что вы все перебиваете? Вы слушайте.

Городищев. Да это верно, что она не родня?

Инокентиев. Еще бы не верно. Да вот и Клементьев, — спросите у него, когда мало вам моих слов.

Входит Клементьев, идет к Наде, кладет перед нею бумагу.

ЯВЛЕНИЕ 35

Те же, Клементьев.

Надя (взглянув). Мать! Мать! (Читает, рыдая. Целует бумагу. Все время читает и плачет.)

Городищев (подходит). Позвольте взглянуть.

Клементьев. Не мешайте. После, когда она прочтет.

Городищев (Клементьеву). Да правда, что не родня?

Клементьев. Сидор Иваныч горит нетерпением рассказывать. Слушайте же его.

Инокентиев. Да чего тут! Ну, если я скажу что-нибудь не так, он тут, поправит, чего ж вам сомневаться в моих словах? Не родня, сказано вам. Да вы слушайте по порядку. Привел его к себе. Даю. Читайте, говорю; рассудил: лучше ей знать позор своей матери, нежели самой остаться обесславленной.

Городищев. Да вы с той поры не читали?

Иннокентиев. Чужая тайна. Я не подлец.

Городищев. И не давали Наде, — так зачем же вы не уничтожили?

Иннокентиев. Эх, все вы мешаете! Все это пришло бы по порядку, — потому что и он все это спрашивал, когда прочел. Зачем я не уничтожил! Я не вандал, жечь исторические документы! Род Серпуховых не что-нибудь такое, чтобы потомство не стало интересоваться. Тут всякий лоскуток важен. Я ученый, знаю обязанности относительно потомства. Часто нужна тайна, документы и хранятся в тайне, чтобы узнало потомство. А то как же по-вашему?

Городищев. Бог с вами и с вашим потомством, рассказывайте же. Прочел он, — а вы?

Иннокентиев. Прочел он, и заскрежетал зубами. А я: ну что, чья правда? А он: моя. А я: как, не родня? А он стиснул зубы. А я: так не родня? И неужели не женитесь?

Клементьев (Наде). Вы все еще не дочитали, Надежда Всеволодовна?

Надя. Не могу... слезы... мешают...

Клементьев. Правда. Позвольте же мне взять прочесть для вас.

Надя. Нет... сама...

Клементьев. Хорошо. А я пока расскажу вам, Агнеса Ростиславовна, с какими мыслями пошел я от вас, и ходил по саду. Любовница не могла искать приюта в доме родных любовника. Вы старались, чтобы Надежда Всеволодовна не знала, кто ее отец. Дело казалось мне ясно. Ясно мне, — но что надобно делать, чтобы доказать формально? Я понимал, что документы уничтожены. Одно средство: искать свидетелей. Я старался припомнить, откуда родом была мать Надежды Ростиславовны? Казалось мне, слышал, что из Путивля. То город небольшой, все знают всех; должны оставаться свидетели.

Агнеса Ростиславовна (слабо). А-ах (умирает).

Клементьев. Напрасно пугаетесь прежде времени. Сидор Иваныч должен успокоить вас.

Агнеса Ростиславовна (воскресая). Я видела, что вы низкий человек. Идите вон. Милая Надя, я защищу и утешу тебя.

Клементьев. Идите вон? Очень приятно. Пойдем, Надя. Если бы меньше знал тебя, спросил бы прежде, как ты думаешь о воле твоего отца, — но нечего спрашивать. Знаю, что ты скажешь. Пойдем же. (Подымает ее за руку.)

Надя. О воле моего отца? О какой воле?

Клементьев. Ты все еще не могла прочесть до конца? Так выслушай. Кстати и для них будет любопытно (берет бумагу и читает).

«Твой отец говорил мне, умирая: остерегайся их. Но приехал его дядя, — увез меня. Я была как сонная, как летаргичная, это было в день похорон твоего отца. Теперь я здорова. Но злодей, который привез меня сюда, и его жена, держат меня под караулом в дальней комнате и называют больною, чтобы я никого не видела, никому не могла сказать, что я законная жена твоего отца. Что они хотят сделать со мною? Это ясно. Если я не умру от родов, они отравят меня, как отравили твоего деда, когда привезли меня сюда, или уморят голодом. Поощадят ли они тебя? Быть может. Она все-таки менее зверь, нежели он. Быть может она уговорит его поощадить тебя. Если она сбережет твою жизнь, прошая ей участие в моей смерти.

Кто ты будешь у меня? Сын или дочь? Дадут ли они мне пожить после родов хоть столько, чтобы взглянуть на тебя?

Дожить до родов они дадут мне. Смерть после родов — это так обыкновенно, не возбуждает подозрений.

Твой отец был честный человек. Ты исполнишь его волю. Он говорил: богатство, которое приобрел его отец, приобретено дурно. Он думал раздать его бедным. Умирая, он просил меня, чтобы я внушала тебе сделать так.

Документы о моем браке с твоим отцом истреблены все, какие были при мне. Может быть, уцелеют какие-нибудь другие, где-нибудь в архивах — когда ты будешь в летах заняться этим, ты справишься, где служил твой отец и поищешь. Но если и везде все истреблено, законность твоего права остается неоспорима. Наша свадьба была в Путивле. Церковь была полна народу и все знали, кто жених и кто невеста. И через двадцать, и через двадцать пять лет еще останутся десятки свидетелей. Прости, дитя мое. О, как бы мне хотелось дожить до того, чтобы хоть раз поцеловать тебя! Ксения Серпухова». (Молчание.)

На д я (отирая слезы). Если бы я не знала, что это воля отца и желание матери, я не могла б взять себе этого богатства, куда я гожусь в богатые дамы? А когда будем жить только своим трудом, и я буду не хуже тех, с кем может иметь знакомство небогатая женщина.

К л е м е н т ь е в. Вы видите, Агнеса Ростиславовна, почему Наденька не может уступить вам своего наследства. Будете ли вести процесс, или согласитесь признать ее права — это как вы сами рассудите. Я не могу давать советов. — Пойдем, Наденька. (Уходят).

Я В Л Е Н И Е 37

Агнеса Ростиславовна, Городищев. Иннокентиев.

Агнеса Ростиславовна (оживая). Вы виноват, Андрей Дементьич. Я говорила вам, везите поскорее в церковь. Городищев. Она не стала бы венчаться с Румянцевым и

ушла бы венчаться с Клементьевым. Я виноват только тем, что льстил вам и исполнял ваши прихоти.

Агнеса Ростиславовна. А вы, старый дурак, зачем вы берегли такую гадкую бумагу?

Иннокентиев. Я.. я..

Городищев. И без этой бумаги вышло бы то же, разве несколькими неделями позже. У него на уме уже было все это, даже и Путивль. Если можно было чем-нибудь предотвратить полное разорение, то лишь любовною сделкою, как я вам советовал. То был бы юридический акт, и им нельзя было бы отнять у вас долю, какая уступлена вам законным образом.

Агнеса Ростиславовна. Ах! (Умирает).

Городищев. Напоминаю об этом в упрек не вам, а себе самому. Зачем я не был настойчивее, зачем я льстил и угождал вам?

Агнеса Ростиславовна (оживая). Вздор! Она подписала бумагу, имение мое.

Городищев. Та бумага только повела бы нас под уголовный суд — за плутовство. Надо поскорее уничтожить ее. Где она? (Берет и рвет.)

Агнеса Ростиславовна. Не уступлю! Пусть ведут процесс!

Городищев. Она выиграет. И вам будет плохо: откроется, что вы знали о незаконности своего владения имением, и молчали, и много тут найдется проделок, за которые попадете вы под уголовный суд. Вы дурно обращались со мною. Но я привык любить вас, — или по крайней мере, я долго был вашим любовником или слугою, как вам угодно назвать это, — и было бы бесчестно покинуть вас в беде. Иду догнать их, — они пошли пешком, успею.

Агнеса Ростиславовна. Не смейте.

Городищев. Извините, так должно. Чтобы не было расходов на процесс, они согласятся дать вам довольно порядочную пенсию. (Уходит).

Агнеса Ростиславовна. Ах! (Умирает. Но в тот же миг вскакивает и летит во все лопатки, с криком во всю глотку.) Надя! Не хочу процесса! Будь великодушна! Вспомни, что я всегда любила тебя!

Конец пасторали